

Титан

Жизнь
Джона Д. Рокфеллера

Рон Черноу

Биографии
XX
века

Биографии XX века

Рон Черноу

Титан. Жизнь Джона Рокфеллера

«Издательство АСТ»

1998

УДК 929 Рокфеллер Д.
ББК 63.3(7Сое)-8

Черноу Р.

Титан. Жизнь Джона Рокфеллера / Р. Черноу — «Издательство АСТ», 1998 — (Биографии XX века)

ISBN 978-5-17-122299-4

Джон Дэвисон Рокфеллер-старший, знаменитый американский предприниматель, филантроп, первый долларовый миллиардер в истории человечества. До сих пор он остается богатейшим человеком в мире. Однако его жизнь была в исключительной степени полна безмолвия, таинственности и недосказанности. Хотя он возглавлял крупнейшие коммерческие и благотворительные предприятия своего времени, о его личности известно мало. Он мастерски менял обличия и жил, окутанный слоями легенд и прикрываясь многочисленными масками. Известный американский писатель, журналист и биограф Рональд Черноу попытался раскрыть личность этого человека незаурядных способностей, сумевшего достичь головокружительного успеха в бизнесе.

УДК 929 Рокфеллер Д.
ББК 63.3(7Сое)-8

ISBN 978-5-17-122299-4

© Черноу Р., 1998
© Издательство АСТ, 1998

Содержание

Предисловие	8
Вступление: ядовитый язык	11
Глава 1	14
Глава 2	22
Глава 3	38
Глава 4	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Рональд Черноу

Титан. Жизнь Джона Рокфеллера

Моему брату, доктору Барту Черноу, вытащившему меня из пропасти в последний момент; и очаровательной Валери

Ron Chernow

Titan

The life of John D. Rockefeller, Sr

Russian translation rights arranged with Melanie Jackson Agency, LLC through AJA Anna Jarota Agency

(Публикуется с разрешения Melanie Jackson Agency, through AJA Anna Jarota Agency)

© 1998 by Ron Chernov

© ООО «Издательство АСТ», перевод на русский язык, 2020

В создании современного мира первостепенную важность имеют два человека: Рокфеллер и Бисмарк. Один в экономике, второй в политике отвергли либеральные мечты о всеобщем счастье через индивидуальное соревнование, заменив их монополией и корпоративным государством или, по меньшей мере, предприняв шаги к ним.

– *БЕРТРАН РАССЕЛ*

«Свобода против организации, 1814–1914»

В Америке должно было произойти что-то сходное с Дж. Д. Рокфеллером, и для мира только к лучшему, что он оказался немногословен, последователен и поразительно свободен от грубого тщеславия, чувственности и вздорности. Его холодное упорство и безжалостность, возможно, вызывают нечто вроде ужаса, но при этом он был движущей силой, творческим могуществом.

– *Г. ДЖ. УЭЛЛС*

«Труд, богатство и счастье рода человеческого»

Когда история вынесет свой окончательный приговор Джону Д. Рокфеллеру, вполне возможно, что его вклад в научные исследования будет признан вехой в прогрессе человечества... Сегодня наука не меньше обязана щедрости и прозорливости богатых людей, чем искусство Ренессанса обязано покровительству пап и государей. Из этих людей Джон Д. Рокфеллер первый.

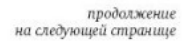
– *УИНСТОН ЧЕРЧИЛЬ*

«Сент-Льюис пост-диспэтч», 8 июля 1935 г.

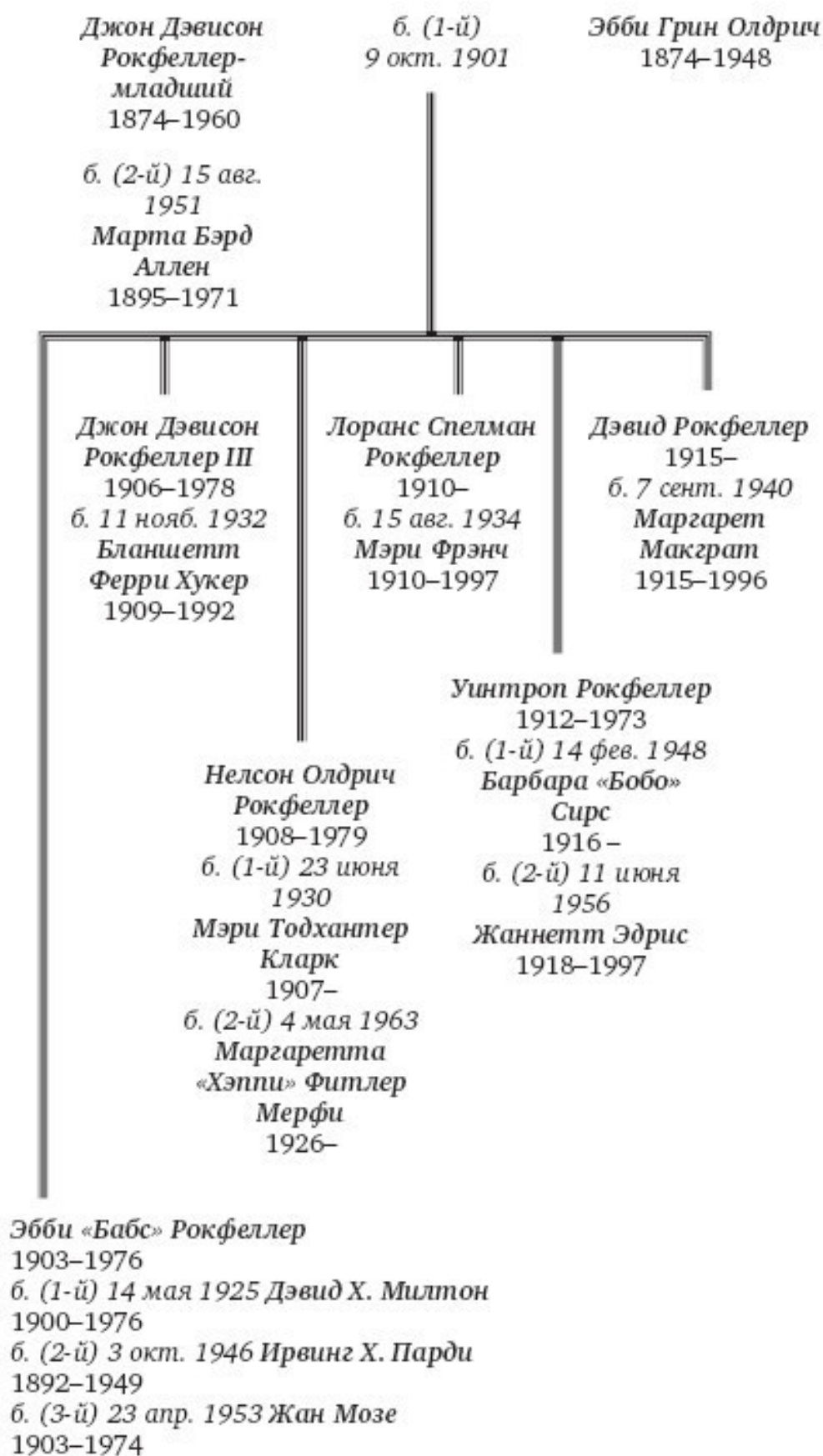
Рокфеллер, как ты знаешь, считается самым богатым человеком в мире, и он определенно самая сильная и значительная личность, из всех, кого я видел. Человек невероятной глубины и для меня достаточно непостижимый. Лицо Пьеро (ни волоса на голове и лице), подвижный, лукавый, квакерский, на первый взгляд не производит иного впечатления, кроме великодушия и

из письма к Генри Джеймсу, 29 января 1904 г.

ПОТОМКИ УИЛЬЯМА И ЭЛИЗЫ РОКФЕЛЛЕР

Предисловие

Жизнь Джона Дэвисона Рокфеллера-старшего была в исключительной степени полна безмолвия, таинственности и недосказанности. Хотя он возглавлял крупнейшие коммерческие и благотворительные предприятия своего времени, о его личности известно мало. Он мастерски менял обличия и жил, окутанный многочисленными легендами и прикрываясь многочисленными масками. Поэтому в нашей национальной духовной культуре его личность присутствует в виде разрозненных образов, от ненавистного создателя «Стандард Ойл», гениального, но холодного, до мудрого чудаковатого старого скряги-филантропа, экономящего каждый цент, но при этом занимающегося благотворительностью и произносящего заготовленные речи для кинохроники. Часто оказывается сложно соединить столь разные образы в общую картинку.

Нельзя сказать, что никто не пытался. В начале века Рокфеллер вдохновлял писателей более, чем любой другой гражданин Америки, книги о нем появлялись практически каждый год. И он был самым знаменитым американцем своих дней, пресса поминутно докладывала и анализировала его заявления и действия. Но даже на волне подъема общественного интереса к нему он иногда казался раздражающе мутным, значительная часть его жизни разворачивалась за стенами его владений и дверями его кабинета из матового стекла.

Возникает ощущение, что Рокфеллера нет в его собственных биографиях, что он проходит сквозь них призрачной бестелесной фигурой. Основные «разгребатели грязи», подобные Генри Демаресту Ллойд и Иде Тарбелл, видели в нем символ треста «Стандард Ойл», погруженного в махинации. Даже в двухтомной биографии Аллана Невинса, который стремился отстоять репутацию Рокфеллера, Рокфеллер исчезает, иногда сразу на несколько страниц, теряется в водовороте обвинений и встречных обвинений. Постепенно в литературе возникла тенденция уделять все внимание грабительским действиям «Стандард Ойл», не уделяя внимания остальной жизни Рокфеллера. Г.-Д. Уэллс отстаивал такой биографический подход: «История жизни Рокфеллера это история треста; он создал трест, а трест равным образом создал его... так что кроме этой истории едва ли представляется необходимым детально описывать его личную жизнь в хронологическом порядке»¹. Биографы так твердо придерживались подобного взгляда, что у нас все еще не существует повествования об этом крупнейшем промышленнике XIX века, в котором бы исследовался его внутренний и внешний миры и синтезировал бы их во всесторонний портрет.

При таком количестве типографской краски, потраченной на Рокфеллера, его биографии портят примитивные повторы. Независимо от принятого ими политического уклона они, в целом, следуют одной и той же хронологии, повествуют об одних и тех же спорах, о его деловых методах, перепевают все те же старые анекдоты. Складывается впечатление, что смотришь одну и ту же постановку снова и снова, пусть и с разных мест в зале. Отчасти это связано с тем, что у нас меняется подход к жизнеописаниям. За исключением «Джон Д.», тонкого томика Дэвида Фримена Хоука, опубликованного в 1980 году, все биографии Рокфеллера изданы до середины века, и в них присутствует викторианская сдержанность относительно частных дел. Это прекрасный репортаж о событиях, но в них почти отсутствует постфрейдистское любопытство. Они лишь мельком затрагивают, например, историю отца Рокфеллера, двоеженца и шарлатана, который оказал неизгладимое влияние на жизнь своего сына. Даже обстоятельный Невинс показал весьма сдержанный интерес к женитьбе Рокфеллера и к его трем дочерям. Феминистские влияния наших дней позволили появиться на свет двум книгам – «Эбби Олдрич Рокфеллер» Бернис Керт и «Женщины семьи Рокфеллеров» Кларис Сташ, – которые начали вскрывать герметично закупоренный мир семьи. Общественная жизнь Рокфеллера за пределами его кабинета – его друзья, хобби, спорт и т. д. – равным образом пострадала от явного невнимания авторов биографий. В числе прочих вопросов, требующих изучения, политиче-

ские взгляды Рокфеллера и теория трестов, его отношение к связям с общественностью, его вложения за пределами «Стандард Ойл», передача денег его детям и его династические амбиции, его неослабевающее увлечение медициной и след, который он оставил на многих благотворительных учреждениях, получивших его пожертвования. Также примечательно отсутствие любопытства относительно сорока с лишним лет, которые он провел после ухода от дел, некоторые биографы опускают эти десятилетия полностью. Но именно в эти годы Джон Д. Рокфеллер-младший увековечил и радикально изменил наследие своего отца, и я этому предмету уделяю значительное внимание.

Когда издательство «Рэндом Хаус» предложило мне написать первую полную биографию Рокфеллера со времен Аллана Невинса в 1950-х годах, я, откровенно говоря, засомневался, будучи убежденным, что предмет исчерпан писателями, которые мечтали извлечь выгоду из его славы. Как можно писать о человеке, который возвел секретность в такой культ? В существующей литературе он производит впечатление в лучшем случае одаренного пустого автомата, а в худшем – злонамеренной машины. Я не мог сказать, был ли он бездушным человеком, опустошенным погоней за деньгами, или человеком большой глубины и силы, но со сверхъестественным самоконтролем. Если правда первое, я бы с уважением отказался; в маловероятном случае, если окажется правдой последнее – что ж, тогда я заинтригован.

Чтобы разрешить вопрос, я провел день в Архивном центре Рокфеллеров в Слип-Холлоу в штате Нью-Йорк, хранилище миллионов семейных документов. Я рассказал кураторам о своих опасениях и объяснил, что не могу писать о Рокфеллере, пока не услышу его внутренний голос – «музыку его мыслей», как я выразился. И они принесли мне запись интервью, взятого частным образом в 1917–1920 годах в доме Рокфеллера Уильям О. Инглис, нью-йоркский журналист, расспрашивал Рокфеллера для неопубликованной авторизованной биографии. Я корпел над этой рукописью из тысячи семисот страниц и был поражен: Рокфеллер, которого стереотипно считали молчаливым и пустым, как оказалось, обладал аналитическим складом ума, четко выражал свои мысли и мог даже вспылить; он был довольно остроумен, с суховатостью, характерной для среднего запада. Этого человека я не встречал ни в одной биографии. Вернувшись домой, я сказал Энн Годофф, моему редактору в «Рэндом Хаус», что теперь я очень хочу написать эту книгу.

Погружаться во внушительный массив бумаг Рокфеллера все равно, что раскапывать исчезнувший континент. Но даже при таком обилии документации в начале исследования у меня появилось досадное ощущение, что я стою перед сфинксом. Рокфеллер приучил себя раскрывать как можно меньше, даже в личных письмах, и писал их так, будто они могут однажды попасть в руки стороны обвинения. С инстинктивной секретностью он превосходно использовал странные эвфемизмы и туманные фразы. Поэтому двадцать тысяч страниц писем, которые Рокфеллер получил от своего более откровенного делового окружения, оказались неожиданной удачей исторических масштабов. Написанные еще в 1877 году, через семь лет после образования «Стандард Ойл», они дают живой портрет скрытых сделок компании с производителями, переработчиками, транспортировщиками нефти и закупщиками, а также с руководителями железнодорожных компаний, директорами банков и политической элитой. Картина жадности и коварства заставила бы вздрогнуть даже самых предвзятых исследователей Позолоченного века. Мне также невероятно повезло получить доступ к бумагам пяти моих выдающихся предшественников, каждый из которых оставил полные материалы исследований. Я проштудировал множество документов Иды Тарбелл в Музее скважины Дрейка в Титусвилле, штат Пенсильвания, Генри Демареста Ллойда в Историческом обществе штата Висконсин и Аллана Невинса в Университете Колумбия, в дополнение к бумагам Уильяма О. Инглиса и Реймонда Б. Фосдика (автора официальной биографии Джона Д. Рокфеллера-младшего) в Архивном центре Рокфеллеров. Эти собрания содержат огромное количество интервью и других материалов, которые их авторы использовали лишь частично.

Рокфеллера, как и многих магнатов Позолоченного века, либо восхваляли биографы, являющиеся его приверженцами и не видящие ничего дурного, либо поносили злобствующие критики, не видящие ничего хорошего. Подобная однобокость особенно вредна в случае с Рокфеллером, в котором безупречно сочетались грех и святость. Я старался действовать в пространстве широкого коридора между спорщиками и защитниками, убежденный, что жизнь Рокфеллера была единым целым и что набожный, страстно проповедующий христианство Рокфеллер это не просто хитрый фасад для грабежей корпорации. В его характере тесно сплелись религиозность и страсть к наживе. По этой причине я подчеркнул его баптистский евангелизм как ключ, открывающий многие тайны его жизни. Те, кто хотел бы видеть, как на этих страницах Рокфеллера либо демонизируют, либо канонизируют, будут разочарованы.

Сейчас время кажется благоприятным, чтобы воскресить дух Рокфеллера. С падением торговых преград и движением к экономике свободного рынка, мир объединился в глобальный рынок, который затрагивает семь миллиардов душ, а многие страны еще только выходят из марксистских или меркантилистских систем и пробуют капитализм на вкус. История Джона Д. Рокфеллера переносит нас в те времена, когда промышленный капитализм был еще сырым и новым в Америке, а правила игры еще не были написаны. Рокфеллер больше, чем кто-либо другой олицетворял собой капиталистическую революцию, которая последовала за Гражданской войной и трансформировала жизнь американцев. Он воплощал в себе все ее добродетели – бережливый расчет, уверенность в себе, упорный труд и неослабевающую предприимчивость. И все же, как человек, презиравший правительство и ни во что не ставивший конкурентов, он символизировал и многие из ее наиболее отталкивающих пороков. В результате вокруг его карьеры сосредоточились споры о подобающей роли правительства в экономике, которые не прекращаются и по сей день.

Вступление: ядовитый язык

«Чтение этой книги воскрешает в моей памяти факты и события, о которых я не вспоминал годами, – размышлял Джон Д. Рокфеллер. – Вещи давно прошедшие и умершие вновь оживают передо мной. Я рад этому, очень рад»¹.

Несколько месяцев Рокфеллер слушал, как его официальный биограф зачитывает вслух книгу Генри Демареста Ллойда «Богатство против Содружества», беспощадное описание его делового пути, опубликованное в 1894 году. Самый богатый человек мира, давно отошедший от дел, которому уже было далеко за семьдесят, нехотя согласился уединиться и вспоминать прошлое. Начиная с 1917 года, по часу каждое утро, Рокфеллер отвечал на вопросы, устроившись в удобном кресле или полулежа на диване в своей спальне в Кайкате, георгианском особняке среди красивых лесов Покантико-Хиллс округа Уэстчестер. Со спокойной совестью, убежденный, что Бог благословил его карьеру и что суд истории оправдал бы его, Рокфеллер покорился этому занятию, только чтобы доставить удовольствие сыну, желавшему очистить семейное имя от всех спорных моментов. Как Рокфеллер напомнил своему биографу, учтивому Уильяму О. Инглису, газетчику, нанятому «Уорлд», старом враге Рокфеллера, только «по настоящему требованию моего сына, который не знаком с этой историей... сам я бы не стал тратить время и силы на опровержение этих вопросов»².

Несмотря на первоначальные сомнения, Рокфеллер не мог устоять перед предложением вновь пережить свои бурные первые годы в нефтяной промышленности, и гигантская задача вспомнить заинтересовала его. За сотни часов интервью, растянувшегося на три года, он возвращался к прошлому и открыто высказывал все, что у него на уме. Временами он говорил о своей жизни в мягких интонациях проповедника, обращающегося к братству родственных душ. В другое время он был сухо язвителен и нещадно насмешлив в адрес своих критиков – хотя все это время, как добрый христианин, старался подавить мстительные чувства к ним.

Инглис с изумлением наблюдал, как волна воспоминаний оживляла старика, его голос из высокого хрипловатого старческого переходил в глубокий мягкий молодой баритон. Его шаги становились пружинистыми и мягкими, когда он мерил шагами пол, излагая славные битвы его карьеры. Рокфеллер не пытался уклоняться от спорных вопросов и предложил совершенно новую структуру разговора о прошлом: Инглис будет зачитывать куски текста из книг двух главных антагонистов Рокфеллера, Генри Ллойда и Иды Тарбелл (их поток упреков был опубликован в начале 1900-х годов и сильно повлиял на общественное мнение), а Рокфеллер будет опровергать их, абзац за абзацем. Когда эти обвинительные акты только появились, он не соизволил прочитать их, сочтя это ниже своего достоинства. Теперь, с отважной самоуверенностью, он решил напрямую подойти к самым трудным обвинениям. «Восемь месяцев я не был расположен отвечать что-то этим глупым писателям, – отметил он, – но теперь я нахожу это интересным»³. А раз уж Джон Д. Рокфеллер-старший что-то надумал, он проявлял невероятную способность к концентрации.

Когда Рокфеллер предпринял эту отсроченную оборону, он ясно верил, что его правота доказана временем, так как эти журналисты очернили его репутацию в начале 1900-х годов, и он стал самым ненавидимым бизнесменом Америки. «Все, кто сегодня в деле, работают по современным направлениям, следуют планам, которые первыми предложили мы», – сказал он с гордостью⁴. Общество перестало относиться к нему с прежним ожесточением, считал он, а противодействие его нефтяной империи «практически сошло на нет и не поднималось многие годы, и теперь уже перестало быть модным громить «Стандард Ойл компани»⁵. Действительно, в Первую мировую войну американское общество оценило промышленную мощь компаний «Стандард Ойл», и Рокфеллер рассчитывал, с долей справедливости, что соотечественники

теперь рассматривают его как благодетеля, а не как корпорацию-грабителя. Огромные благотворительные вклады, сделанные им в последние годы, также смягчили неприязнь публики к нему.

Как всегда с Рокфеллером, затянувшиеся в ходе интервью паузы оказывались красноречивее слов. Подготовленный Айви Ли, своим специалистом по внешним связям, Рокфеллер говорил о «Стандард Ойл», воздерживаясь от таких нагруженных терминов, как *трест*, *монополия*, *олигополия* и *синдикат* и предпочитал выражение «совместная работа». Он высказывал презрение к книжному миру свободных рынков, порожденному Адамом Смитом: «Каким это стало благословением, когда мысль о совместной работе с железными дорогами, телеграфами, сталелитейными компаниями, нефтяными компаниями появилась и заняла место хаоса, в каком доблестные ученые, ничего не знающие о деле, как они считали, оказывали Богу услугу, поедая друг друга»⁶. За три года беседы Рокфеллер ни разу не упомянул свою самую болезненную неудачу: в 1911 году федеральное правительство разделило «Стандард Ойл» на десятки подконтрольных компаний. Вычеркнув благодаря причудам памяти вердикт Верховного суда, Рокфеллер говорил о «Стандард Ойл», как будто прежний монолит все еще стоял невредимым.

Из всех занятых им позиций, вероятно, сложнее всего было поддерживать утверждение, что он не держит зла на своих недоброжелателей. Рокфеллер приправлял речь отсылками к своей великодушной натуре. «Представители «Стандард Ойл компани» питают самые добрые и дружеские чувства даже к тем, кто сильнее всех поносил их, и готовы отнести это к их слабостям и незнанию и всему остальному, что ими руководило»⁷. Более того: «А на тех, кто произносил резкие слова, мы не держим зла. «Грешить, как люди, и, как Бог, прощать»⁸. И даже более примирительно: «Я испытываю радость, что мы доброжелательны и приветливы по отношению к этим ревнивым мелочным людям, во главу своей жизни поставившим попытки утянуть нас вниз, потому что не видели ничего дальше кончиков собственных носов».

Тем не менее со временем проповеднический тон Рокфеллера начал колебаться. Он не мог вообразить, что кто-то искренне и принципиально не одобряет его деловой путь и все чаще прибегал к личным выпадам, высмеивая критиков как каркающих, плакальчиков, ворчунов, жалобщиков, шантажистов, пиратов, избалованных детей, нытиков, авантюристов, волков и грабителей. Очевидно, обвинения причиняли боль, особенно со стороны Иды Минервы Тарбелл, чей невозмутимый, пронизательный стиль исследовательской работы превратил его имя в олицетворение корпоративной жадности. Вместе с приближенными по гольфу Рокфеллер подшучивал над ней, называя «мисс Тарбаррел», «мисс бочка с дегтем», но то была прозрачная попытка извлечь жало из ее слов.

За время долгой беседы Инглис всего два раза видел, как рушится железное самообладание и сдержанность Рокфеллера, и оба раза, что показательно, это была реакция на Тарбелл. Первый – когда Инглис зачитывал вслух ее утверждение, что в 1872 году тридцатидвухлетний Рокфеллер захватил кливлендские нефтеперерабатывающие заводы, угрожая сокрушить конкурентов, если они не присоединятся к его синдикату. Именно с 1872 года начался его целеустремленный путь к главенству в нефтяной промышленности. Если этот год запятнан, то все остальное тоже. Инглис ярко описал реакцию Рокфеллера на заявления Тарбелл:

«Это абсолютная ложь!» – воскликнул господин Рокфеллер так громко, что я поднял голову от записей. Он удобно сидел в большом кресле, но на этих словах вскочил и подошел к моему столу. Его лицо покраснело, глаза горели. До сих пор я видел с его стороны только приветливость, а теперь, впервые не возникало сомнений, что он охвачен гневом и негодованием. Его голос гремел громко и четко. Он не стучал по столу, но стоял, сжав руки в кулаки, и было заметно, как сложно ему сдерживаться. Ему не удалось сразу же вернуть равновесие. «Это абсолютная ложь! – выкрикнул он. – Ни одному человеку такого не говорил ни я и ни один из наших представителей. Можете так и записать. Это заявление абсолютная ложь!»⁹

После этой вспышки Рокфеллер успокоился, но выпад причинил боль. Позже он бродил с Инглисом по дорожкам его огромных владений, среди холмов и полей для гольфа. «Как смехотворны все эти разговоры! – воскликнул он. – Это вздор, ядовитый вздор, сказанный с какой-то целью. По сути, мы все находились на тонущем корабле, пока продолжалась яростная конкуренция, и мы пытались построить шлюпку и добраться до берега. Нет нужды угрожать людям, чтобы те сели в шлюпку и покинули тонущий корабль»¹⁰. Захват фирм конкурентов проходил не так благожелательно, как преподносил Рокфеллер, но его память была сильно избирательна.

Самые едкие эпитеты Рокфеллер приберег для другого текста, где Тарбелл разбирала деликатный вопрос о его личной жизни: характер его колоритного беспутного отца, Уильяма Эйвери Рокфеллера. В июле 1905 года она завершила свое повествование о «Стандард Ойл» разделом «Портрет» Рокфеллера из двух частей, полным ядовитых описаний его отца, странствующего торговца патентованных лекарств, ведущего таинственную бродячую жизнь. Уильям Эйвери Рокфеллер был из тех умеющих убеждать дельцов, которые процветали в приграничных сообществах Америки начала XIX века, и Тарбелл подробно описала его проступки. В одном случае она гневно написала: «Право, он обладал всеми грехами, кроме одного – он никогда не пил»¹¹.

Нападкa на его умершего отца затронула какую-то затаенную, все еще незажившую рану, и Рокфеллер неожиданно взорвался. «Что за гнусные изречения от женщины, которая называется историком, – съязвил он, ошибочно предположив, что Тарбелл ожесточилась после того, как ее публикация не смогла навредить империи «Стандард Ойл». – И тогда она прибегла к жалкой выдумке, со всеми издевательствами, злобой, скользкими намеками и искажениями, в которых она мастерица, и с еще большей злобой напала на моего отца»¹². Рокфеллер не сразу пришел в себя: его знаменитое гранитное самообладание совершенно рухнуло. Он очень редко позволял себе выпустить поток несдержанных оскорблений. Захлебываясь от ярости, он бранил «ядовитый язык этой ядовитой женщины, которая хочет отравить общество всеми мерами... бросить подозрение на все хорошее, плохое или обычное, связанное с именем, до сих пор не разрушенным ее выпадами». Сознавая, что он нехарактерным для него образом утратил бдительность, Рокфеллер вскоре вернулся к прежнему образу философского спокойствия, успокаивающе заверяя Инглиса: «Все же, если на то пошло, я благодарен, что даже к этому «историку» я не испытываю ожесточения, только жалость»¹³. Титан вновь обрел свое достоинство и позаботился о том, чтобы эта плотно сидящая маска никогда больше не соскальзывала в присутствии его биографа.

Глава 1

Мошенник

В начале 1900-х годов, когда Рокфеллер соперничал с Эндрю Карнеги за звание самого богатого человека в мире, жаркий спор разгорелся между Францией и Германией, каждая из стран заявляла, что является землей предков Рокфеллера. Всевозможные специалисты были готовы, за приличное вознаграждение, составить великолепное родословное древо и показать королевские истоки нефтепромышленника. «У меня нет ни малейшего желания искать свое происхождение от знати, – честно сказал Рокфеллер. – Я вполне доволен своими старыми добрыми американскими корнями»¹. Самый претенциозный поиск отследил происхождение Рокфеллера до французской семьи IX века по фамилии Рокфёй, предположительно живших в лангедокском замке – очаровательная история, но ее, к сожалению, опровергли последние исследования. Что касается немецкой линии, подтвердилось, что предки Рокфеллера, по крайней мере к началу 1600 годов, жили в долине Рейна.

Около 1723 года Иоганн Петер Рокфеллер, мельник, вместе с женой и пятью детьми, приплыл в Филадельфию и осел на ферме в Сомервилле, а затем в Амуэлле, штат Нью-Джерси, где он, судя по всему, начал процветать и приобрел большие земли. Через десять с лишним лет его кузен, Дилл Рокфеллер, перебрался из юго-западной Германии в Джермантаун, штат Нью-Йорк. Внучка Дилла Кристина вышла замуж за своего дальнего родственника Уильяма, внука Иоганна. (Не будучи особо сентиментален по отношению к своим европейским предкам, Джон Д. Рокфеллер все же воздвиг памятник патриарху, Иоганну Петеру, на месте его захоронения во Флемингтоне, штат Нью-Джерси.) В браке Уильяма и Кристины родился сын, Годффри Рокфеллер, дедушка нефтяного титана и человек меньше всего подходящий на роль основателя клана. В 1806 году в Грейт-Баррингтоне, штат Массачусетс, Годффри женился на Люси Эйвери, несмотря на серьезные возражения ее семьи.

Люси, по мнению родителей, вышла замуж за неровню, и ее судьбу позже повторила мать Рокфеллера. Предки Люси эмигрировали из Девона, Англия, в Салем, штат Массачусетс, около 1630 года, влившись в волну пуритан. Когда они осели и обжились, из рода Эйвери вышли люди самых разнообразных талантов – священники, солдаты, общественные деятели, первопроходцы и торговцы, не говоря уже о храбрецах, воевавших с индейцами. Во время Американской революции одиннадцать представителей клана погибли в битве при Гротоне. Для описания «благородных» корней Годффри Рокфеллера требовалась некоторая поэтическая вольность и приукрашивание, и Люси по праву претендовала на происхождение от Эдмунда Железнобокого, провозглашенного королем Англии в 1016 году.

Низенький и жалкий Годффри Рокфеллер совершенно не был похож на свою деятельную жену. Рядом с ней он казался обнищавшим и безнадежным неудачником. Люси, властная женщина, ревностная баптистка, худощавая, уверенная в себе, с решительной походкой и внимательным взглядом голубых глаз, до замужества работала учительницей в школе и была лучше образована, чем Годффри. Даже Джон Д., не имевший привычки отпускать обидные комментарии о родственниках, тактично признавал: «Моя бабушка была решительной женщиной. Ее муж таким решительным не был»². Своим потомкам Годффри передал серо-голубые глаза и русые волосы, Люси – стройное телосложение, особенно проявившееся у мужчин. Энергичная, наделенная крепким здоровьем, Люси родила десятерых детей. Третий из них, Уильям Эйвери Рокфеллер появился на свет в Грейнджере, штат Нью-Йорк, в 1810 году. Дату рождения отца Рокфеллера определить несложно, но толпы измученных репортеров однажды выбьются из сил в поисках даты его смерти.

Дела Годфри, фермера и дельца, шли с переменным успехом, и из-за его начатых и заброшенных предприятий семья постоянно переезжала. Они были вынуждены перебраться в Грейнджер и Анкрам, штат Нью-Йорк, затем в Грейт-Баррингтон, потом обратно тем же маршрутом в Ливингстон, штат Нью-Йорк. В детстве Джону Д. Рокфеллеру рассказывали множество поучительных историй о слабых мужчинах, сбившихся с пути. Вероятно, Годфри часто упоминался как пример, которого следовало избегать. По всем описаниям дед был веселым добродушным человеком, но незадачливым и любившим выпить, отсюда и стойкая ненависть к спиртному у Люси, которую она, вероятно, передала и внуку. Дедушка Годфри стал первым примером, сформировавшим в сознании Джона Д. стойкую связь между общительностью и расхлябанностью, в связи с чем наш герой предпочитал общество трезвых, немногословных мужчин, умеющих владеть собой.

В бумагах описываются различные предположения о том, почему в 1832–1834 годах Годфри и Люси собрали пожитки в перегруженный фургон и отправились на запад. По одному мнению, возник правовой спор с англичанами, и Рокфеллеры и несколько их соседей лишились земель. По другим сведениям, беспринципный делец надул Годфри, предложив обменять ферму на якобы более плодородные земли в округе Тайога. (Если заявленное действительно имело место, налицо жестокий обман.) Некоторые родственники позже рассказывали, что Годфри собирался в Мичиган, но Люси отвергла такой далекий переезд, предпочитая диким местам Мичигана культуру Новой Англии на севере штата Нью-Йорк.

Каковы бы ни были причины, Рокфеллеры воспроизвели исконный американский обычай и отправились искать новые возможности. В 1830-х годах многие поселенцы из Массачусетса и Коннектикута толпами двинулись в необитаемые земли на западе Нью-Йорка – Алексис де Токвиль назвал такие перемещения «азартной игрой», любимой «в равной степени и ради переживаний, которые она вызывает, и ради выигрыша»³. В 1820-х годах многих привлекло в те края строительство канала Эри. Годфри и Люси сложили вещи в фургон с полотняным верхом, с впряженными волами и двинулись к пустынным землям. Две недели они ехали по пыльной горной дороге, ведущей из Олбани в Катскилл, крались через леса, мрачные и пугающие, как в сказках братьев Гримм. Вещей было много, а мест для пассажиров мало, и Рокфеллерам приходилось почти всю дорогу идти пешком, Люси и дети (кроме Уильяма, который с ними не поехал), по очереди сидели в фургоне, когда уставали. Наконец, они добрались до Ричфорда, штат Нью-Йорк; последние три с половиной мили (около 6 км) дались особенно тяжело, волею с трудом преодолевали каменистый разбитый путь. Изможденных животных приходилось хлыстом гнать вверх по почти отвесному холму, чтобы добраться до новых земель, невозделанных шестидесяти акров (24 га). Как гласят семейные предания, Годфри взмошел, тяжело ступая, на вершину холма, оглядел владения и скорбно сказал: «Видно, ближе к Мичигану мы уже не подберемся». Так, в память о крушении надежд, холм получил грустное название Мичиганский.

Даже сегодня Ричфорд малопримечательный городок на перекрестке дорог, а тогда это была просто почтовая станция в лесистой местности, юго-восточнее Итаки и северо-западнее Бингемтона. Коренных обитателей этих мест, индейцев-ирокезов, прогнали после Американской революции, и на смену им пришли ветераны революционной армии. Когда сюда прибыли Рокфеллеры, это безлюдное местечко на границе только стало именоваться поселком, деревенская площадь датируется 1821 годом. Цивилизация только начала добираться сюда. В густых лесах вокруг было полно диких зверей и птиц – медведей, оленей, пум, индеек и кроликов, – и люди вечером ходили с факелами, чтобы отпугивать рыскающие волчьи стаи.

К 1839 году, когда родился Джон Д. Рокфеллер, Ричфорд начал обзаводиться атрибутами небольшого городка: появились первые предприятия – лесопилки, мельницы и винокуренный завод – и вдобавок школа и церковь. В большинстве своем здесь зарабатывали на жизнь тяжелым фермерским трудом, но приезжающие люди были полны надежд. Они привезли с собой

сдержанную пуританскую культуру Новой Англии, примером которой станет Джон Д. Рокфеллер.

С земель Рокфеллеров на вершине крутого холма открывался широкий вид на плодородную долину. Весной склоны усеивали дикие цветы, а осенью в изобилии появлялись каштаны и ягоды. Среди этой красоты семье приходилось нести тяготы спартанской жизни. Рокфеллеры занимали маленький простой дом из распиленных вручную досок и бревен, двадцать два фута вдоль и шестнадцать поперек (около 7х5 м). Склоны плотно поросли сосной, тсугой, дубами и кленами, а почва оказалась скудной и каменистой. Требовались невероятные усилия, чтобы просто расчистить участок от кустарника и деревьев.

Насколько можно судить по немногим дошедшим до нас семейным рассказам, Люси умело управлялась и с семьей, и с фермой и никогда не избегала тяжелой работы. Взяв пару молодых волов, она сама сложила каменную ограду, и ее смекалка и хладнокровная находчивость позже проявятся в ее внуке. Джон Д. с удовольствием рассказывал, как однажды ночью в амбаре она поймала вора, крадущего зерно. Лицо незваного гостя в темноте было не различить, но Люси не растерялась и оторвала кусок ткани от его рукава. Позже, встретив мужчину в порванном сюртуке, она подошла к нему и молча предъявила недостающий лоскут; мысль свою она донесла, но обвинений выдвигать не стала. Еще один момент достоин упоминания в связи с Люси: она питала большой интерес к лекарственным растениям и готовила домашние снадобья из «лечебного куста», растущего на заднем дворе. Годы спустя ее внук отправил образцы куста в лабораторию, чтобы выяснить, имел ли он действительно медицинскую ценность. Возможно, именно от бабки он унаследовал восхищение перед медициной, которое пронес через всю жизнь, и в результате создал всемирно известный медицинский исследовательский институт.

К моменту, когда Уильяму Эйвери Рокфеллеру исполнилось чуть больше двадцати, он уже был заклятым врагом общепринятой морали и предпочитал образ жизни бродяги. Еще подростком он надолго исчезал из дома в середине зимы и пропадал неизвестно где. Всю жизнь он придумывал разные махинации и схемы, лишь бы избежать обычного нелегкого труда. Но Уильям обладал такими нагловатыми обаянием и привлекательностью – здоровяк, под шесть футов ростом (1,8 м), широкая грудь, высокий лоб и густая рыжеватая борода, скрывающая упрямый подбородок, – что легко вводил людей в заблуждение. Такая выгодная внешность смягчала недоверчивых и обезоруживала придирчивых, по крайней мере, на время. Неудивительно, что такой бродяга не пошел с родителями на запад в Ричфорд, а объявился в этих землях около 1835 года в собственной неподражаемой манере. На жителей окрестных поселений он сразу же произвел сильное впечатление своим неординарным стилем. Уильям изображал глухонемого торговца, продающего дешевые мелочи, а к петле для пуговицы у него за нитку была привязана дощечка с надписью мелом «Я глухой и немой». С помощью этой дощечки он переговаривался с местными и позже хвалился, как хитро выведал все секреты городка. Еще он таскал с собой калейдоскоп и предлагал людям заглянуть в него, так он завоевывал доверие незнакомцев, перед тем как навязать свой товар⁴. За свою долгую карьеру мошенника Большой Билл всегда рисковал, что люди неожиданно раскроют его обман, и едва избежал разоблачения в доме некоего диакона Уэлса. Дьякон и его дочь, миссис Смит, пожалели бедного торговца, постучавшего однажды субботним вечером в их двери, и приютили его. На следующее утро они пригласили его в церковь. Большому Биллу понадобилась вся его изобретательность, так как он сторонился толпы, где его могли узнать и раскрыть обман. «Билли сказал [диакону], написал, что ему нравится ходить в церковь, но на него плятятся из-за недуга, поэтому ему стыдно, и он не пойдет, – вспоминал один из горожан. – Он и правда боялся, что его раскроют»⁵. Семь месяцев спустя диакон тоже перебрался в Ричфорд, и миссис Смит увидела давешнего глухонемого на общественном сборище и была поражена его чудесным исцелением. «Я вижу, ты теперь говоришь много лучше, чем когда мы виделись в последний раз», – сказала она.

Большой Билл безмятежно улыбнулся, нисколько не смущаясь: «Да, мне стало лучше»⁶. Как только он появился в Ричфорде, горожане сразу смогли ознакомиться с его приемами: он без слов показывал табличку с нацарапанным вопросом «Где дом Годфри Рокфеллера?»⁷

Билл редко сообщал правду о себе и своих товарах, поэтому ему приходилось работать на большой территории, чтобы избежать проблем с законом. Со своей будущей женой, Элизой Дэвисон, он познакомился на ферме ее отца, когда скитался за тридцать миль (около 50 км) к северо-западу от Ричфорда, вблизи Найлса и Моравии. Билл любил привлекать к себе внимание и себя рекламировать и потому обычно носил парчовые жилетки и другие яркие одежды, которые, вероятно, ослепили простую девочку с фермы. Как многие торговцы, забредающие в глухие места, он умел преподнести не только яркие побрякушки, но и мечты, и Элиза увлеклась романтической бродягой. Она поверила его притворству и невольно воскликнула в его присутствии: «Не будь он глухонемым, я бы вышла за него замуж»⁸. Какие бы молчаливые сомнения ни закрались в ее душу, когда она обнаружила его обман, как и другие женщины, вскоре она поддалась его гипнотическому обаянию.

Джон Дэвисон, осмотрительный и добропорядочный человек, баптист, с шотландско-ирландскими корнями был глубоко привязан к дочери. Он, вероятно, чувствовал, какая бездна неприятностей ждет Элизу, если она свяжется с Большим Биллом Рокфеллером, и решительно препятствовал этому браку. В зрелом возрасте Элиза Рокфеллер могла произвести впечатление высохшей старой девы, но в конце 1836 года она была стройной энергичной девушкой с ярко-рыжими волосами и голубыми глазами. Со своей набожностью и сдержанностью она представляла собой полную противоположность Билла и, скорее всего, именно поэтому нашла его столь притягательным. Кто знает, какое уныние развеяла бойкая болтовня Билла. Мать Элизы внезапно умерла, когда той было всего двенадцать лет – приняла пилюлю, выданную проезжим доктором, – и Элизу, оставшуюся без советов матери, растила ее старшая сестра Мэри Энн.

18 февраля 1837 года, несмотря на решительное несогласие Джона Дэвисона, эта самая невероятная пара – Биллу было двадцать семь лет, Элизе двадцать четыре – обвенчалась в доме одной из подруг Элизы. Свадьба стала главной сплетней жителей Ричфорда, любивших поглядывать за похождениями Билла. По сравнению с Дэвисонами, Рокфеллеры считались сельскими бедняками, и не исключено, что Билл повелся на разговоры о приличном состоянии Джона Дэвисона. Еще в 1801 году бережливый Дэвисон приобрел сто пятьдесят акров (около 70 га) земли в округе Кайюга. По словам Джона Д., «Мой дед был состоятельным человеком для своего времени. В те дни человек, ферма которого окупалась и еще давала немного денег, считался богатеем. Четыре, или пять, или шесть тысяч считались богатством. У деда было втрое или вчетверо больше. Он мог ссуживать деньги»⁹.

Жители Ричфорда сошлись во мнении, что встреча с Элизой была не такой уж случайной, а заранее подстроенной попыткой получить деньги ее отца. Большой Билл пользовался недоброй славой подлеца, который на каждую привлекательную молодую женщину смотрит, как на добычу. До ухаживания за Элизой у него был, по меньшей мере, один серьезный роман. Как вспоминал Ральф П. Смит, долгое время проживший в Ричфорде: «Билли не был женат, когда пришел сюда. Поговаривали, что он женится на Нэнси Браун, своей экономке, но он порвал с ней и, как говорят, заплатил около четырехсот долларов, когда решил добиться расположения дочери богатого Джона Дэвисона там в Найлсе, на краю Моравии»¹⁰. Историю подтверждает кузина Джона Д., миссис Джон Уилкокс: «Нэнси Браун из Харфорд-Миллз была красивой девушкой, поразительно красивой. Уильям влюбился в нее. Она была бедной. Уильям предпочитал деньги. Отец Элизы, Дэвисон, собирался дать ей пятьсот долларов на свадьбу; поэтому Уильям и женился на ней»¹¹.

Брак, заключенный обманом, соединил жизни двух совершенно непохожих людей и положил начало душевной боли, семейным ссорам и постоянному отсутствию стабильности. Атмосфера оказала сильное влияние на формирование противоречивой личности Джона Д. Рокфеллера.

Когда Билл привез молодую жену в Ричфорд, в дом, который построил в полумиле от родителей, Элиза, вероятно, задумалась, что запрет отца, возможно, был мудрым: жизнь здесь обещала быть безжалостной и суровой. Сохранились фотографии места, где родился Джон Д. Рокфеллер – невзрачный дом из подогнанных досок стоит на голом склоне холма и неуютно выделяется на фоне неба. Грубая постройка напоминала два составленных вместе вагона, суровую простоту нарушал только маленький козырек над дверью. Сколь бы примитивным дом ни казался снаружи, он был удобным и прочным, из местной древесины. На первом этаже располагались две спальни и гостиная, а наверху – еще одно помещение с невысоким потолком, где можно было спать, и под самой крышей кладовая; небольшая пристройка служила амбаром и сараем. (Должно быть, идилическое место рождения будущего керосинового короля освещалось китовым жиром или сальными свечами.) Земельный участок с яблоневым садом, гораздо просторнее дома, занимал пятьдесят акров (ок. 20 га), а у подножия холма бурлила речка Овего-Крик, полная форели.

Если у Элизы были возвышенные романтические представления о семейной жизни, Большой Билл довольно быстро и грубо их развеял. Он совершенно не собирался порывать со своей подругой, Нэнси Браун, привел ее в тесный дом как «экономку», и жена, и любовница по очереди начали рожать детей. В 1838 году Элиза родила их первого ребенка, Люси, а через несколько месяцев появилась на свет незаконнорожденная дочь от Нэнси, Клоринда. Ночью 8 июля 1839 года Билл и Элиза вновь позвали повитуху, и в простой крохотной спальне с голыми стенами, восемь на десять футов (2,4х3 м) в этот мир пришел мальчик. Этому ребенку, родившемуся в эпоху президента Мартина ван Бюрена, судьбой было предназначено стать крупнейшим капиталистом страны и дожить до второго срока Франклина Д. Рузвельта и его «Нового курса». Как и многие другие будущие магнаты – Эндрю Карнеги (1835), Джей Гулд (1836) и Дж. Пирпонт Морган (1837) – он родился в конце 1830-х годов, а значит, достиг зрелости накануне промышленного бума, последовавшего за Гражданской войной. Через несколько месяцев Нэнси Браун родила вторую дочь, Корнелию; другими словами, Биллу, властелину собственного гарема, всего за два года удалось стать отцом четверых детей. Джон Дэвисон Рокфеллер (которого удачно называли в честь здравомыслящего отца Элизы), известный своими строгими моральными принципами, появился на свет в промежутке между двумя незаконнорожденными сестрами, в доме, пропитанном грехом.

Вряд ли Элиза чувствовала себя комфортно с родственниками мужа. Рокфеллеры были сильно пьющими безграмотными фермерами, компанейскими остряками, любящими музыку, спиртное и шумные гулянки и придерживающимися грубых пограничных нравов. Заметным исключением оставалась Люси, сильная женщина во главе клана, и Элиза тянулась к ней, не одобряя остальную разгульную родню. Пока они жили в Ричфорде, младший брат Билла, Майлз Эйвери Рокфеллер, бросил жену и удрал в Южную Дакоту с Эллой Брасси, молодой женщиной, помогавшей Элизе с работой по дому. Майлз стал двоеженцем, женившись на Элле, а в качестве новой фамилии взял свое среднее имя; в будущем той же страгемой воспользуется и Билл. Подобный способ начать жизнь заново был довольно распространен во времена, когда обширные пограничные участки Америки еще только появлялись на карте, и оставалось множество мест, позволявших укрыться от закона.

Для неискушенной фермерской девушки, не видевшей ничего, кроме дома, Элиза на удивление терпимо относилась к Нэнси Браун. Вопреки тому, что можно было бы ожидать, она жалела непрощеную гостью и, возможно, считала вынужденную жизнь втроем подобающим наказанием за то, что пренебрегла советом отца. По словам ее племянницы: «Тетя Элиза

любила мужа и жалела бедную Нэнси. Но приехали братья тети Элизы и заставили Уильяма прогнать Нэнси»¹². В первые годы брака Элизы заметно бросается в глаза отсутствие господина Дэвисона, и невозможно не задаться вопросом, отвернулся ли он от непослушной дочери или, под грузом вины и стыда, она скрывала от него свои беды. По одному из рассказов, после женитьбы Билла Нэнси начала ссоры с ним, и он, воспользовавшись этим, изгнал недовольную любовницу из переполненного дома. Вняв доводам Дэвисонов, он отправил Нэнси с двумя дочерьми к ее родителям в Харфорд-Миллз неподалеку. Семейная легенда утверждает, что Билл, пусть и не самый порядочный человек, все же не был совершенно бессовестным и тайком подбрасывал ей тюки с одеждой. К счастью, годы с Биллом не разрушили жизнь Нэнси, она вышла замуж за человека по имени Берлингейм, родила ему детей, а старшим двум дочерям обеспечила приличное образование¹³. Из скудных документальных свидетельств известно, что Клоринда умерла еще молодой, а Корнелия превратилась в высокую, умную и привлекательную молодую женщину, стала школьной учительницей и была очень похожа на Большого Билла. Иногда он соглашался дать ей денег, но щедрость Билла имела свои жесткие границы, и, если девушка становилась слишком настойчивой, он отказывал наотрез. Корнелия вышла замуж за некоего Секстона и осталась жить в окрестностях Ричфорда, но лишь немногие местные жители и родственники Рокфеллера знали, что она сводная сестра Джона Д.¹⁴ К чести Корнелии, она никогда не пыталась нажиться на своем родстве с самым богатым человеком мира, возможно потому, что неизбежно вскрылась бы ее незаконнорожденность. Знал ли Рокфеллер, что у него есть две незаконнорожденные единокровные сестры, выяснить невозможно.

Связь с Нэнси Браун стала не единственным унижением, выпавшим на долю Элизы, так как за три безрадостных года жизни в Ричфорде Билл часто уезжал из дома. Он остался непоседливым и несговорчивым одиночкой, предпочитавшим жить подальше от общества. В первые годы брака он попытался остепениться, завел небольшую лесопилку на Мичиганском холме и торговал солью, мехом, лошадьми и древесиной, но вскоре вернулся к вольной жизни коробейника, окутанной завесой тайны. Подобно преступнику, он уходил, крадучись, под покровом ночи и возвращался после заката недели или месяцы спустя и сообщал о своем возвращении, бросая камушки в окно. Чтобы семья продержалась в его отсутствие, Билл договорился о кредите в местной лавке. «Пока меня нет, отпускайте моей семье все, что им понадобится, а я вернусь и оплачу», – оставлял он указания Чонси Ричу, чей отец, Эзекиль, основал Ричфорд¹⁵. Элиза все время боялась, что лавочник отменит кредит и откажет, и стала крайне экономной, постоянно наставляя детей изречениями, такими как «Мотовство до нужды доведет».

Билл внезапно возвращался, улыбающийся, на новых лошадях, хорошо одетый, и размахивал толстой пачкой хрустящих банкнот. Прежде всего он шел в лавку и расплачивался с Чонси Ричем, а потом отправлялся к Элизе и мог с уверенностью сказать ей, что теперь в лавке все улажено. Его обаяние растапливало все накопившееся недовольство; прошло еще много времени, прежде чем длительные отсутствия мужа и его постоянные измены вытравили всю романтику, оставив у Элизы лишь стоическое смирение. Но пока, как бы ей ни было тревожно или одиноко, она, как девочка, тосковала во время его отъездов, все еще без памяти влюбленная в своего мошенника. «Только посмотри, какая луна! – со вздохом сказала она однажды кухне. – Уильям за многие мили отсюда, может быть, тоже сейчас смотрит на нее? Надеюсь, что смотрит»¹⁶.

В разъездах Билл изобретал все более замысловатые способы зарабатывания денег. Будучи метким стрелком, он объезжал места, где проводились состязания по стрельбе, и часто возвращался домой с выигрышем. Радужный торговец, он продавал кольца и разные безделушки по фантастически завышенным ценам. Но чаще всего он назывался «целителем-ботаником» или «лекарем-травником» – эти эвфемизмы преданно повторяли некоторые потомки

Рокфеллера. Во времена, когда врачи все еще прибегали к кровопусканию, прижиганиям и сильным слабительным, а во многих селах вообще не было врачей, странствующие торговцы заполняли вакуум. Тем не менее в Уильяме Эйвери Рокфеллере легко заметить и талант заговаривания зубов, и веселость шарлатана. Иногда он продавал пузырьки с домашним эликсиром, а иной раз патентованные средства, купленные у аптекарей, но величайшего успеха он добился с настойками из лечебного куста Люси. Хотя его мать действительно увлекалась сборами из трав, Билл серьезно преувеличивал их свойства и приписывал новые. Например, он собирал у нее в саду мелкие темно-красные ягоды, похожие на пилюли, и продавал их женам фермеров как превосходное средство от болезней живота. В своей рекламной кампании он заходил еще дальше. Как много лет спустя рассказал сосед из Ричфорда: «Он предостерегал, чтобы ни в коем случае не давали их женщинам в интересном положении, так как непременно случится выкидыш. И потому продавал свои пилюли за большие деньги. Они были совершенно безвредны, и его торговля закон не нарушала. У него было примечательное воображение»¹⁷.

Полночные вылазки и диковинная торговля Уильяма Рокфеллера вызывали любопытство граждан Ричфорда. Он и пугал, и будоражил воображение, и породил столько сплетен и домыслов, что его окрестили Дьяволом Биллом. По городу ходили слухи, что он игрок, конокрад, головорез. Казалось, он заигрывает с законом, но людям нравился его грубоватый юмор и байки, пусть и тревожило, как он обращался с семьей. «Когда у него шла торговля, он одевался, как принц, и все начинали гадать, – рассказывал один из жителей, участвовавших в игре-«угадайке» об источниках дохода Билла. – Его очень веселили наши догадки, он громко смеялся над ними. Он не пил и, когда был дома, хорошо обращался с семьей, но все знали, что он мало заботится о них и оставляет одних каждый раз на долгие месяцы»¹⁸. Билл раздражал некоторых соседей, страстно желавших, чтобы он понес заслуженное наказание. Однажды он отсутствовал особенно долго, несколько месяцев, счет Элизы у Чонси Рича превысил тысячу долларов, а в городе начали поговаривать, что Дьявол Билл арестован. Но он въехал в город, как сельский помещик, на великолепной повозке, правя прекрасными лошадьми, а на его манишке блестели бриллианты. В магазине он заявил о себе, оплатив счет крупными банкнотами. После отлучек Билл собирал друзей и семью за ужином и, заглатывая горы еды, развлекал их плутовскими рассказами о своих приключениях в западных землях, среди поселенцев и индейцев. Дьявол Билл обладал особым даром превращать свои похождения в захватывающие рассказы так, что Элиза и дети как будто сами побывали в путешествиях. Из-за постоянных паломничеств Билла, соседи жалели Элизу и считали поведение ее мужа недостойным. И все же она оставалась верной женой, не очерняла его и держалась с большим достоинством¹⁹.

Сколь бы ни преувеличивали биографы, описывая нищее детство Джона Д. Рокфеллера, все же известно несколько свидетельств о бедственном положении семьи в Ричфорде. «Не помню, чтобы я видел более жалких и брошенных детей, – заметил один сосед. – Их одежда превратилась в лохмотья, а сами они выглядели грязными и голодными»²⁰. Так велико было отчаяние Элизы, что она искала отдушины в доме своего деверя, Джейкоба Рокфеллера, сквернословящего, шумного, зачастую подвыпившего человека. Широко ходила история о том, как Джейкоб выиграл пять долларов, поспорив, что не будет пить всю дорогу от дома до города²¹. Добрая жена Джейкоба стала двум малышам, Люси и Джону, второй матерью, чинила им одежду и вязала рукавицы из домашней шерсти.

В этой кошмарной ситуации Элиза, казалась, черпала силы в невзгодах. Один уроженец Ричфорда отзывался о ней как о «самой прекрасной женщине, которая несла слишком тяжелую ношу и потому не могла должным образом смотреть за детьми. Ее муж подолгу отсутствовал, и ей приходилось заниматься фермой на шестидесяти акрах, стараться, чтобы расходы окупались. Она боялась, что хозяева лавок в деревне в любой момент откажут ей в кредите, и работала очень много»²².

Когда Джон Д. позже вспоминал о своем идиллическом солнечном детстве на севере штата Нью-Йорк, Ричфорда не было в этих грезах. Когда семья покинула эти места, мальчику было всего три года, и он сохранил лишь несколько смутных образов: «Я очень ясно помню ручей, бежавший перед домом, и что следовало быть осторожным и держаться от него подальше. Маму в Ричфорде я помню смутно и бабушку, она жила в полумиле от нас выше на холме»²³. Заметно, что первые воспоминания Рокфеллера ассоциируются с осторожностью и что он вычеркнул из памяти отсутствующего отца и нетрезвого деда, сохранив образы сильных и выносливых матери и бабушки. Он всегда обладал необычной защищающей его способностью подавлять неприятные воспоминания и поддерживать те, которые укрепляли его решимость.

Насколько можно судить, Рокфеллер ничего не знал о Нэнси Браун и неприглядной стороне пребывания в Ричфорде, но пронес через всю жизнь смутное ощущение инферральности тех мест. «Я с содроганием думаю о том, что стало бы со мной, если бы я провел в Ричфорде всю мою жизнь, – позже признался он. – Там было много мужчин, которые чуточку охотятся, чуточку рыбачат, чуточку выпивают и добиваются в жизни чуточку успеха, и все из-за того, что им не хватает чуточку религии»²⁴. Решение семьи покинуть Ричфорд Рокфеллер объяснял экономическими причинами, они же, вероятно, служили стандартным предлогом, услышанным в детстве: скудная почва. «Места там красивые, – говорил Рокфеллер, – но поселенцы тратили все силы, пытаясь выкорчевать пни из земли и вырастить урожай на скудной земле»²⁵. Конечно, настоящая причина заключалась в ужасе Элизы перед низкими моральными устоями городка, где стояла одна-единственная церковь. Скорее всего ей очень хотелось увезти детей подальше от громогласных пьющих Рокфеллеров и открыть их влиянию более спокойных Дэвисонов. Не случайно семья перебралась в Моравию и поселилась в трех милях (около 5 км) от фермы Дэвисона, где во время привычных отъездов мужа Элиза могла положиться на охранительное присутствие отца.

Глава 2

Огни пробуждения

Переехав в Моравию на тридцать миль (ок. 50 км) к северу от Ричфорда, Рокфеллеры перебрались из малоразвитого пограничного поселения в спокойный городок с аккуратными деревянными домиками в центре. Здесь располагалась евангелическая церковь Объединенных братьев во Христе, которая позже слилась с Объединенной методистской церковью, и Моравия считалась оплотом трезвости и антирабовладельческих настроений. В городе были свои отель, магазин, хлопкопрядильная фабрика и конгрегационалистская церковь. Даже сегодня Моравия с ее изящными тенистыми улицами, приветливой атмосферой и домами с широкими гостеприимными верандами остается необычным самобытным образцом американского быта.

Рокфеллеры поселились на северной окраине города. Примерно в 1843 году Билл выложил тысячу долларов за участок в девяносто два акра (37 га) на зеленом холме, который мягко спускался к Оваско, одному из самых живописных озер Фингер. Отец Рокфеллера расширил дом на участке, и в нем теперь было семь или восемь комнат, из них открывались великолепные виды на ярко-голубое озеро в обрамлении высоких сосен на фоне лесистых холмов на дальнем берегу. Через дорогу от дома стояли амбары, а в копильне на заднем дворе можно было заготавливать окорока и бекон. Джон Д. был очарован жизнью в этом двухэтажном дощатом доме, здешние места стали для него идеалом пасторальной красоты. Летом он любил вытаскивать окуней из холодного чистого озера, и даже зимы пленяли его, несмотря на жгучие морозы. Дети Рокфеллеров спали в неоштукатуренной комнате наверху, согреваемой только печной трубой, идущей с кухни; мелкий снег и резкий зимний ветер проникали сквозь щели в стенах. «Как ревел ветер в ветвях на берегу озера!» – мечтательно вспоминал Рокфеллер, когда ему было уже далеко за семьдесят¹. В предраассветной тьме дети часто просыпались от стука топоров дровосеков или скрипа полозьев по плотному снегу. Элиза стояла у подножия лестницы и звала старшего сына: «Ну же, сынок, пора вставать и доить корову!»² В полутемном холодном хлеву, пытаясь согреть ноги, Джон становился на испускающую пар землю, с которой только что поднялась корова.

Первые трое детей Рокфеллеров – Люси, Джон и Уильям – родились в Ричфорде. Теперь, в 1843 году, Элиза родила вторую дочь, Мэри Энн, притом что Большой Билл опять провел в разъездах почти всю ее беременность; через два года появились близнецы. Мальчик, Фрэнк, был здоровым, а Фрэнсис болела с рождения. Местный врач приходил к ней около семидесяти раз, а затем она умерла, немного не дожив до своего второго дня рождения. Событие отпечаталось в памяти семилетнего Джона Д., хотя Элиза и постаралась оградить сына от первого мучительного соприкосновения со смертью. Он приехал в Моравию уже в старости, когда ему было за восемьдесят, и тогда, показав на поле, он воскликнул: «Когда Фрэнсис хоронили, меня послали сюда собирать камни, чтобы я не узнал»³. Джон испытывал ужас перед смертью, пусть и не признавался в этом, и, вероятно, Элиза первой интуитивно это почувствовала.

В Моравии в Уильяме Эйвери Рокфеллере странным образом сочеталось поведение добропорядочного гражданина и обаятельного лоботряса. Как и в Ричфорде, изумленные горожане смотрели, как он, элегантно одетый, проносится на резвых лошадях, из-за его расточительства иногда казалось, что он богаче всех в городе. Мэри Энн позже назвала истории об их бедности в детстве «нелепыми». «Нам всегда было что поесть и что надеть, было и все, что нужно в хозяйстве. Мы не были богаты, разумеется – вовсе нет; но всегда было достаточно, чтобы поесть, и использовать, и отложить»⁴. Моравия стала счастливой порой детства Джона, когда его отец некоторое время пытался остепениться. Один сосед даже назвал Билла «чуть ли

ни самым выдающимся человеком в округе»⁵. В этих местах рос девственный сосновый лес, и Билл начал законное и вполне успешное предприятие по заготовке леса. Перед рассветом, при свете звезд и фонарей, он со своей бригадой свозил бревна к берегу озера на санях, а затем сплавлял их на север в Оберн. Неожиданно в нем проснулось чувство долга перед обществом. Билл помогал выбрать место для школы – он проехал на коляске через город и посчитал обороты колес, а затем школу поставили ровно в центре; и он убедил местных налогоплательщиков дать на нее денег, хотя в те времена многие все еще считали, что детей следует учить дома. Будучи человеком изобретательным и пробивным – и позже эти качества передались его сыну, – Билл начал разводить в озеро Оваго щук и даже возглавлял местный комитет по трезвости. «Таким уж он был человеком, – с гордостью говорил Джон Д., – соседи только начинали обсуждать дело, а он уже заканчивал его»⁶. Моравский период позволил узнать о Билле одну важную вещь: в нем жило скрытое стремление к респектабельности, и вряд ли он собирался всю жизнь скитаться и наживаться на легковых.

Разумеется, Билл никогда не снисходил до тяжелого фермерского труда и считал его ниже своего достоинства. Он нанял служащего железной дороги Хайрама Оделла, чтобы тот работал на ферме и приглядывал за его семьей, так как уезжал все еще часто. Как наставлял его Билл: «Их мать недостаточно сильна, чтобы справляться с ними, а с ними надо справляться. Делай, что сочтешь для них правильным»⁷. Пока Оделл в свободное время работал в саду, Элиза раздавала задания детям. Однажды она протянула через сад веревку и сказала старшим мальчикам: «Джон, ты работай с этой стороны, Уилл, эта сторона твоя»⁸. В отличие от отца, пренебрегающего работой, Джон – всегда называвший себя сыном простых людей – гордился тяготами сельской жизни и считал, что она подготовила его к последующей борьбе в индустрии. Трудности в детстве укрепили природную стойкость Джона и закалили перед будущими невзгодами.

Экономика Америки 1840-х годов была достаточно оживленной, чтобы подстегнуть фантазии любого будущего магната. По всей стране открывались банки, каналы сеткой прорезали сельские районы, по рекам курсировали пароходы, железные дороги и телеграфы соединили первые рынки. Территориальная экспансия висела в воздухе: в 1845 году аннексировали Техас, и казалась неизбежной война с Мексикой. Эти отдаленные события еще только намечались, но Джон Д. Рокфеллер уже казался идеальным представителем *homo economicus*. Он покупал конфеты на вес, делил на небольшие порции, а потом продавал с неплохим доходом братьям и сестрам. Мать посоветовала семилетнему Джону бросать заработанные золотые, серебряные и медные монетки в синюю фарфоровую вазочку на камине. Первый деловой успех пришел к Джону в семь лет. Он подкараулил индюшку, направившуюся в лес, забрал цыплят из гнезда и вырастил их на продажу. Элиза поощряла его предприятие, давала ему створоженного молока, чтобы накормить индюшат, и на следующий год он вырастил еще больший выводок. Уже будучи в возрасте, Рокфеллер сказал: «До сих пор я сохраняю особую симпатию к стаям индюшек и не упускаю случая полюбоваться ими»⁹.

Несмотря на радужные воспоминания, ранние фотографии Рокфеллера показывают, что все было не так уж весело. Его лицо мрачно и ничего не выражает, в нем нет мальчишеской радости и оживления; кожа натянута, глаза пустые и лишены блеска. Окружающим он часто казался отстраненным, о нем вспоминали, что порою он, с каменным лицом, брел по сельским дорогам, погруженный в свои мысли, как будто решал серьезные проблемы. «Он был тихим мальчиком, – рассказывал один из жителей Моравии, – казалось, он всегда о чем-то думает»¹⁰. Во многих отношениях Джон мало напоминался и не выделялся среди других мальчиков. Когда позже его восхождение ошеломило мир, бывшие соседи и одноклассники с трудом пытались вызвать в памяти хотя бы размытый его образ. В учебе он не преуспевал, но был терпеливым и прилежным, как Дж. П. Морган и Джей Гулд, демонстрировал блестящие способности к математике. «Учиться мне было нелегко, приходилось усердно заниматься, чтобы выучить

уроки», – говорил Рокфеллер, точно описавший себя как «серьезного», но не «блестящего»¹¹. Тридцать недель в году (сельским ребятам требовалось время для работ на ферме) он посещал школу, построенную его отцом и состоящую из единственного класса, – скромное белое здание с двускатной крышей и темными ставнями на окнах. За дисциплиной учитель следил строго и требовательно: если ученики плохо себя вели, он угрожающе заносил грифельную доску над их головами. Рокфеллер не был первым в классе и, возможно, отчасти потому, что не испытывал склонности показать себя, как смывленные мальчишки, жаждущие похвалы; он был лишен мальчишеского тщеславия, всегда погруженный в свои мысли и равнодушный к одобрению окружающих.

Теперь, имея возможность оглянуться назад, мы замечаем нечто не вполне обычное в том, как этот лишенный эмоций мальчик точно определял цели и следовал им без следа детской импульсивности. В шашки или шахматы он играл с исключительной осторожностью, долго обдумывая каждый ход и прорабатывая каждый возможный ответный ход. «Я схожу, как только разберусь, – отвечал он, если его пытались поторавливать. – Вы же не думаете, что я играю для того, чтобы проиграть?»¹² Джон участвовал только в тех играх, где мог диктовать свои правила и точно выиграть. Несмотря на медлительность и неторопливость, как только план действий был до конца продуман, Джон быстро принимал решения.

Хотя мальчик выглядел печально и много времени посвящал книгам, музыке и церкви, он обладал тем тонким остроумием, какое неожиданно проявляется в конце фразы. По словам его невестки: «У него было чувство юмора или, можно сказать, что он был рассудительно весел. Он увлеченно слушал, но за ним не водилось привычки громко смеяться. Помню, как загорались его глаза, а на щеках появлялись ямочки, если он слышал или видел нечто забавное»¹³. Сестра Мэри Энн вспоминала его как заядлого шутника: «Он всех нас донимал своими шутками, которые произносил с каменным, серьезным лицом»¹⁴. У Рокфеллера всегда подмечали, что ему нравится забавное, но часто он надевал маску серьезности.

* * *

Посещения церкви не стали для Джона Д. Рокфеллера давящим долгом или обязанностью, он считал их чем-то очищающим и освежающим для души. Баптистская церковь его детства раскрывает многие тайны его характера. Он рос, постоянно слыша изречения, характерные для евангелического протестантизма, и следуя им. Многие его пуританские принципы, которые могут показаться старомодными новым поколениям, в его детстве были повседневностью для набожных людей. Сагу о блестящих деловых свершениях Рокфеллера невозможно отделить от атмосферы, царящей во времена его юности на севере штата Нью-Йорк. Даже его отец, имевший привычку заигрывать с дьяволом, знал наизусть много гимнов и призывал детей ходить в церковь. Однажды он пообещал Джону пять долларов, если тот прочтет Библию от корки до корки, и так, непреднамеренно, связал в сознании мальчика Бога и деньги. Билл, бунтарь, сторонящийся общества, так и не присоединился ни к одной церкви – это было бы слишком, – поэтому Джон отождествлял религию с образом любимой матери, находившей в Библии бальзам для своей измученной души.

Джон посещал воскресную школу неподалеку от их дома на холме и запомнил учителя, бывшего нечестивца, который раскаялся и стал ревностным христианином. В религии мальчик видел не столько систему раздачи наград в загробном мире, сколько способ исправиться на земле. Из-за частых отлучек Билла Элиза упростила соседа пресвитерианца по утрам в воскресенье подвозить ее и детей в баптистскую церковь. Семья тесно прижималась друг к другу на церковной скамье, и Элиза призывала детей опускать монетки в блюдо для пожертвований; Рокфеллер часто упоминал альтруизм матери как истоки своей благотворительности. Он с ран-

него детства усвоил, что Бог хочет, чтобы дети его зарабатывали деньги, а затем жертвовали их, и процесс этот должен быть непрерывным. «Меня сразу приучали работать и сберегать, – объяснял Рокфеллер. – Я всегда считал своим религиозным долгом взять все, что я могу взять честным путем, и отдать все, что могу. Так меня учил священник, когда я был ребенком»¹⁵. Баптисты «низкой церкви» не возражали против накопления богатства, но не одобряли тщеславие и нарочитую пышность, и это противоречие пройдет через всю жизнь Рокфеллера.

Первую баптистскую церковь основал в Род-Айленде Роджер Уильямс в 1639 году, но процветать конфессия начала только после так называемого Великого пробуждения, начавшегося около 1739 года. Религиозное рвение общества набрало силу после поездок по восточному побережью харизматичного английского проповедника методиста Джорджа Уайтфилда. В открытом поле, под звуки рыданий и пронзительные крики, толпы людей были обращены в христианство или восстанавливали угасшую веру, многие падали в обморок или извивались по земле в осознании греха. Бурные эмоции этого периода подстегнули фантастический рост общины баптистов, верящих в добровольное крещение и публичное исповедание веры. Более сотни новых баптистских церквей выросли в одной только Новой Англии. Баптисты, с их лидерами, вышедшими из народа, и автономными паствами идеально подходили для пограничных районов и демократичных обычаев колонистов. Пасторы, набранные из обычных людей, часто не получающие денег и плохо образованные, забредали в далекие земли, куда боялись ступить другие духовные лица. Баптисты не были сторонниками высшего духовенства, не подчинялись епископам и не входили в церковную иерархию, а потому могли создать церковь у любого ручья и в любой лошине. К концу XVIII века они стали серьезной религиозной силой.

С 1800 года и до конца 1830-х годов Второе великое пробуждение вызвало новую религиозную волну в Новой Англии и северо-восточных штатах. Движение достигло пика около 1830 года, когда огни религиозных бдений пылали так жарко, что Рочестер и другие земли северного Нью-Йорка и Огайо окрестили Выжженным районом. Деятели пробуждения – самым знаменитым был Чарльз Грандисон Финни – прибывали в город и проводили молитвенные собрания, часто затягивающиеся на всю ночь. Собрания проходили, как невероятно эмоциональные театрализованные представления с заостренными грешниками в главной роли – они сидели на «скамье покаяния», а горожане публично призывали их покаяться. Увидев свет, многие грешники разражались слезами и преклоняли колена в молитве. Проповедники убеждали людей пылкими воззваниями к надежде и страху, говорили о небесных блаженствах и озерах огненных. Один популярный проповедник, Джейкоб Напп, расписывал, как страдающие грешники карабкаются, пытаясь выбраться из горящих ям, а дьяволы с вилами, сидя на краю, садистски спихивают их обратно в пламя. Движение возрождения поддерживало само себя, так как предполагалось, что спасенные помогут остальным вырваться из когтей сатаны. Проповедники ходили от двери к двери, собирая грешников по домам, пока весь город не охватывала истерия.

Следует отметить несколько аспектов движения возрождения, столь разительным образом сказавшихся на жизни Рокфеллера. В конце 1820-х годов в Рочестере воинствующие приверженцы евангелизма выступали против курения, танцев, карточных игр, бильярда и театра и одновременно бойкотировали лавки, открытые в день отдохновения. Рокфеллер вспоминал: «Знакомые мне баптисты, слушавшие голос совести и религиозные наставления, не только не танцевали в публичных местах, но вообще не танцевали, танцы считались непристойными... На театр смотрели, как на источник порока, которого следовало сторониться добросовестным христианам»¹⁶. Так как спиртное считалось сатанинским варевом, верующему не подобало делать его, продавать или предлагать гостям, и подразумевалось, что впускающий Христа в свою жизнь дает обет трезвости. Мальчиком Рокфеллер усвоил, христианин обязан быть солдатом, вооруженным против всех мирских соблазнов, и ему не следует отбиваться от богобоязненных людей.

Евангелические баптисты, выходцы из строгого кальвинизма, придерживались эгалитарных взглядов, что *все* заблудшие души можно спасти, а не только малую долю предопределенных избранных, и активно погружались в евангелизм и миссионерскую работу. Рокфеллер вырос в убеждении, что ни один человек не может быть безвозвратно потерян, люди свободны в своих действиях и способны искупить грех усилием воли. Представления человека, полагающегося на собственные силы, отразились в его консервативных политических взглядах. Баптистское воспитание предопределило и его следование культу вечного самосовершенствования, который играл заметную роль в американской культуре XIX века. Пресвитерианец Финни, например, увещевал своих слушателей стремиться к совершенству в земной жизни.

Рокфеллер пришел в баптистскую церковь в судьбоносный момент. В мае 1845 года, из-за разногласий по вопросу проповедников-рабовладельцев, делегаты из девяти южных штатов вышли из национальной баптистской организации и создали Южную баптистскую конвенцию. Северные баптисты горячо верили, что аболиционизм согласуется с их неприятием церковной иерархии, популистским духом и в целом с их кампанией по очищению общества от греха. Второе Великое пробуждение ясно связало личное преобразование с реформированием общества и породило политическую активность. В колониальный период американцы свободно дружили с зеленым змием, но внимание евангелистов к духовному подъему общества способствовало началу национального движения за трезвость в 1820-х и 1830-х годах. Церковь ограничила общественную жизнь аполитичного Рокфеллера, но расширила его мировоззрение, открыла взгляд на социальные нужды и, в конечном итоге, подготовила к миру филантропии.

Если, несмотря на экстравагантные выходки отца, Джон Д. верил в идиллическое детство, как на гравюрах издательства «Карриер & Айвс», за это можно благодарить компенсирующее влияние Элизы и церкви. В своих тяготах эта простая сельская женщина, с тонким лицом, спокойными манерами и твердым взглядом серо-голубых глаз нашла глубинные внутренние силы и мудрость. «Мама была чудесной, – говорила Мэри Энн. – Она управляла семьей и домом и делала все это очень легко»¹⁷. Элиза должным образом читала Библию, но по нескольким сохранившимся ее записям видно, что она не получила хорошего образования и делала ошибки в самых элементарных словах. (Правописание и грамматика Джона были безупречны.) Она почти не знала грамматики, иногда ее письма состояли из одного непрерывного предложения.

Безропотная храбрость Элизы, смотрящей за пятью детьми при беспорядочных и безответственных порядках ее мужа не может не вызывать сочувствия. Когда Билл уезжал, она не знала, где он, чем занимается и когда вернется. Ей помогал Хайрам Оделл, и на другом берегу озера Оваско жил ее отец, но Элиза часто оставалась ночью одна с детьми на границе дикой незаселенной местности. Перелистывая Библию и попыхивая трубкой из стержня кукурузного початка, она, вероятно, беспокоилась из-за бродящих кругом воров. Ее способность сохранять присутствие духа раскрывает одна из любимых историй Рокфеллера:

Мама заболела коклюшем и не выходила из своей комнаты, чтобы мы не заразились. Она услышала, что воры пытаются пролезть с задней стороны дома, вспомнила, что в доме нет мужчины, и, чтобы нас защитить, тихо открыла окно и начала напевать старую негритянскую мелодию, как будто семья не спит и все в порядке. Грабители ушли от дома, отправились через дорогу в каретный сарай, украли упряжь и спустились по склону к лодке у берега¹⁸.

Благодаря таким случаям Джон Д. проникся глубоким уважением к женщинам; в отличие от других магнатов Позолоченного века, он никогда не относился к ним, как просто к украшению.

Элиза родилась в 1813 году, росла в атмосфере Второго Великого пробуждения и никогда не относилась к дисциплине небрежно. Дьявол Билл раздавал детям подарки, а Элиза, поскольку кто-то и это должен был делать, иного не дано, распределяла наказания и старалась обуздать дикие черты Рокфеллеров в своих детях. Джон, близкий ей по духу, принимал ее суровое сельское правосудие, когда она брала березовый прут, привязывала сына к яблоне и,

по ее выражению, «сражалась с Макдуфом». «Я выражал свой протест, а она сочувственно выслушивала с сочувствием и ласково – но [она] все равно сражалась, объясняя, что я заслужил наказание и должен его понести, – вспоминал Рокфеллер. – Обычно она говорила: «Я делаю это с любовью»»¹⁹. В случае сомнений она обычно склонялась к суровости. Однажды она принялась наказывать Джона за плохое поведение в школе, а он начал уверять, что невиновен. «Ничего, – прервала она, – ведь мы уже начали порку, стодится на будущее время»²⁰. Рокфеллер рассказывал историю из детства, свидетельствующую о последовательности его матери в поддержании строгой дисциплины. Они тогда жили в Овего, и мать запретила детям кататься на коньках по реке Саскуэханна, но искушение покататься при лунном свете взяло верх над благоразумием Джона и Уильяма. Они осторожно шли вдоль реки и слышали отчаянные крики маленького мальчика, провалившегося под лед. Джон и Уильям протянули длинную палку бьющему руками по воде мальчику и спасли ему жизнь. Когда они вернулись домой, Элиза похвалила их за храбрость, а затем быстро перешла к делу. «Мы убаюкивали себя надеждой, что нас оставят без наказания, – сказал Рокфеллер, – но мама все равно хорошенько нам всыпала»²¹. Если Уильям и Фрэнк получили от отца широкие скулы и высокий лоб, то Джон унаследовал узкое лицо Элизы, ее пронизательный взгляд и острый подбородок и характер, более близкий Дэвисонам. Он перенял и медлительность матери, и ее способность в течение долгого времени спокойно нести тяжелое бремя. По многочисленным рассказам соседей, Элиза не теряла присутствия духа, никогда не выходила из себя, не повышала голос, никого не бранила – стиль молчаливого авторитета, который унаследовал Джон. От матери он научился экономии, порядку, хозяйственности и другим полезным для среднего класса качествам, сыгравшим столь значительную роль в его успехе в «Стандард Ойл». Вынужденная нести суровое наказание за порывистое решение выйти замуж за Дьявола Билла, Элиза учила детей спокойно обдумывать ситуацию перед принятием решений; ее частое замечание «Дадим этому повариться» Джон применял на всем своем деловом пути.

Столь гордой и набожной женщине, как Элиза, вероятно, было сложно переносить необъяснимые отсутствия ее скитающегося мужа, и она сблизилась, из необходимости, со старшим сыном, который казался осторожным и мудрым не по годам. Она видела в нем качества, еще не заметные всему миру. Так как мать полагалась на него и передала взрослые обязанности, Джон быстро повзрослел и приобрел необычную уверенность; вероятно, ему льстило, что он служил заменой отцу и был необходим для выживания семьи. Его отношения с братьями и сестрами казались скорее отеческими, он часто давал им наставления. По его словам: «Я знаю, что мне значительно помогло доверие, возложенное на меня с раннего детства»²². Необходимость быть ответственным с детства, несомненно, наложила свой отпечаток на Джона Д., он редко испытывал внезапную радость или легкость юности. Он рос, как маленький взрослый, под грузом обязанностей и развил преувеличенное чувство долга, которое будет заметно всю его жизнь. Он привык видеть в себе вынужденного спасителя и в трудных ситуациях брать все в свои руки.

Пока мальчик не смог взглянуть на отца более взрослыми глазами, Джон боготворил его. Уильям Эйвери Рокфеллер, вполне способный на подвиги в стиле героя сказок лесоруба-великана Пола Баньяна, обладал решительностью и мужественностью, которые каждый мальчик мечтает видеть в отце. «Я родом из сильной семьи, мужчин необычной силы, семьи исполнителей, – заявил Рокфеллер в пожилом возрасте»²³. – Какой яркой улыбкой озарялось лицо отца! Все любили его. Его называли «дядя Билли»²⁴. Все рассказывали, что Билл обладал множеством талантов. Он был таким великолепным атлетом, что мог встать рядом с забором и перепрыгнуть его спиной вперед; таким прекрасным чревоушателем, что создавал полдюжины персонажей, говорящих одновременно; таким превосходным дрессировщиком, что однажды

выучил трюкам ручного медведя, которого выиграл в соревновании по стрельбе; и таким умелым гипнотизером, что, по легендам, мог «навести туману» на любого человека или зверя²⁵.

Если образ Элизы у детей ассоциировался с дисциплиной, Билла они отождествляли со смехом, изобилием и добрыми временами. Он был идеальным товарищем по охоте и рыбалке, метким стрелком, способным сбить в полете мелкую птичку. Билл обожал оружие, дома в Моравии он держал великолепный набор вычищенных хорошо смазанных винтовок (в том числе одну с оптическим прицелом). Он мог выбрать сосну на лугу и быстрыми выстрелами очистить ее от коры. Меткость хорошо служила ему при продаже патентованных лекарств, с ее помощью он собирал толпу в незнакомых городах. Он ставил чучело с глиняной трубкой во рту, отходил на две сотни шагов и выстрелом разносил трубку вдребезги, а затем предлагал десятидолларовую банкноту любому в толпе, кто сравнится с ним в мастерстве.

Полный жизни и любящий веселье, Билл создавал вокруг себя заразительное оживление, куда бы ни пошел. По словам его сына: «Он всегда хотел, чтобы дома что-то происходило, – пение, либо музыка»²⁶. Билл был очень практичным человеком и применял свои таланты для собственного удовольствия. Однажды он узнал, что одного скрипача-виртуоза упрятали в городскую тюрьму за пьянство. Нарушителю предоставили выбор – заплатить сто долларов штрафа или сидеть в тюрьме сто дней, по доллару за день. Не имея на руках ста долларов, Билл оставил музыканта потомиться тридцать пять дней, а потом выкупил за шестьдесят пять долларов и забрал в обмен скрипку. Десятилетиями Билл заботливо хранил этот прекрасный инструмент с насыщенным звуком, водил по нему смычком, держа у пояса, как сельский скрипач. Без сомнений, любовь к музыке Джон унаследовал именно от Рокфеллеров.

При том что за окнами дома в Моравии мерцали воды озера Оваско, многие любимые воспоминания Джона Д. о тех временах связаны с рыбалкой с отцом, который и в лодке был способен на из ряда вон выходящие вещи. Во время одного из выездов на озеро, Уильям, тогда еще толстый малыш, не умеющий плавать, имел неосторожность пожаловаться на жару. «Так освежись!» – Отец подхватил ошарашенного мальчика за пояс и бросил за борт. Уильям сразу пошел ко дну, и тогда Большой Билл прыгнул в воду, достал его и начал учить плавать. Джон с оптимизмом рассказывал об этом случае: «Он всегда учил нас быть ответственными и заботиться о себе»²⁷.

Было бы неверно (пусть даже и заманчиво) видеть в Уильяме Эйвери Рокфеллере просто легкомысленного любителя поразвлечься, так как он был по-своему нравственным человеком. Он был убежденным трезвенником – алкоголь сломал жизнь его отца, Годфри, – а однажды, поймав Джона и Уильяма курящими в сарае, устроил им суровый выговор. «Брату было уже за сорок, когда отец узнал, что тот курит, и у него на глазах выступили слезы», – сказал Джон, любивший фокусироваться на добродетелях отца, удобно обходя пороки²⁸.

Ни в одной другой сфере не произвел Билл большего впечатления на своего старшего сына, чем в магическом царстве денег – а может быть его старший сын был более восприимчив именно к этому. Большой Билл любил деньги почти чувственной любовью и обожал показываться, мельком показывая собеседнику пухлые пачки скрученных банкнот. «Джон Д. Рокфеллер унаследовал хватку и любовь к деньгам от отца, – отметил один из приятелей Билла. – Старик обожал деньги почти до помешательства. Никогда не встречал человека с такой любовью к деньгам»²⁹. Билл не сильно доверял банкам и прятал деньги дома, что было типичным для обитателя маленького городка. Это недоверие передалось и Джону, впоследствии он будет держать «Стандард Ойл» подальше от когтей финансистов с Уолл-стрит. Как вспоминал один из соседей Билла: «У него были деньги, много денег. Он держал их в ящике стола. Я видел их, банкноты в один, два, три доллара (тогда были в ходу банкноты в три доллара), пять, десять, двадцать и пятьдесят, все перевязанные, как дрова, и связки, стянутые бечевкой, рядами заполняли ящик»³⁰. Говорили, что у Билла было ведро на четыре галлона (15 л), полное золота,

хотя, вероятно, блестящая поверхность скрывала простой металл. Однажды, на семейном собрании, Билл исчез, а потом неожиданно ворвался из своей комнаты со скатертью, сшитой из банкнот разного номинала. Он испытывал постоянную необходимость поддержать образ важной птицы и тем самым скрыть ничтожность своих достижений. Ни мальчиком, ни во взрослом возрасте Джон не видел ничего патологического в помешательстве отца на деньгах, из чего можно сделать вывод, что он сам имел ту же слабость. Уже став обладателем колоссального состояния, он сказал с восхищением об отце: «Он завел за правило носить при себе не меньше тысячи долларов и держал их в кармане. Он был способен позаботиться о себе и не боялся держать при себе деньги»³¹.

Детство Джона отравляла не столько сама бедность, сколько постоянное беспокойство о деньгах, и неудивительно, что наличные стали казаться даром Божиим, благословенным предметом, избавлявшим от всех невзгод. После недель или даже месяцев, проведенных семьей в тревоге, при растущем кредите и в ожидании Отца, он внезапно появлялся, как веселый Санта Клаус, купающийся в деньгах. Он компенсировал свое долгое отсутствие показной щедростью с детьми. Для Джона деньги стали ассоциироваться с этими краткими, но приятными интерлюдиями, когда непредсказуемый отец был дома, и Рокфеллеры становились настоящей семьей.

В первые годы в Моравии Большой Билл начал учить старшего сына вести дела, посылая восьми-девятилетнего мальчика прицениться и купить дрова в дом. «Я знал, что такое хороший корд хорошего крепкого бука и клена, – сказал Рокфеллер. – Отец говорил брать только крепкие ровные поленья и не подкладывать туда сучья или гниль»³². Из всех уроков отца, усвоенных Джоном, пожалуй, ни один не превзошел по важности умения очень тщательно вести подсчеты. Беспутная жизнь Билла вынудила семью экономно расходовать их кредит, и пристальное внимание к их неустойчивой финансовой ситуации стало вопросом необходимости.

В том, что касается деловой этики, Билл демонстрировал самое своеобразное сочетание качеств, мог быть невероятно благородным в один момент и плутоватым в другой. Его сын негласно усвоил, что коммерция – это жестокая конкурентная борьба, и ты вправе переиграть соперника всеми средствами, честными или нет. Он обучал Джона наблюдательному безжалостному стилю торга, который тот впоследствии сделал знаменитым. (Билл умел торговаться самыми неординарными методами. Однажды он предложил цену за ферму на тысячу долларов меньше, чем просил владелец; и, чтобы уладить вопрос, предложил стрелять по цели. Билл выиграл и получил свою скидку в тысячу долларов.) Будучи странствующим лекарем-шарлатаном, продающим сомнительные средства доверчивым сельским жителям, Билл скептически относился к уму людей и не стеснялся пользоваться их наивностью.

Как работодатель Билл изобрел собственный причудливый способ управления людьми. Во времена, когда он еще был уважаемым человеком и держал предприятие по лесозаготовкам, он хорошо и исправно платил своим людям и, по словам его сына, был очень популярен. Но при этом он завел обычай нанимать рабочих ненадолго, вежливо информировать их: «Вы мне больше не нужны», – а через несколько дней брать их снова: он гордо называл это «правилом расчета и найма». Возможно, из-за этого он казался не таким уж приятным боссом, но сын приветствовал такую обескураживающую тактику. «Люди не ленились; никакого застоя среди них не было»³³. Что довольно странно, Джон описывал, что отец «наиболее великодушен и доброжелателен с подчиненными, но при этом исключительно практичен и проницателен, осмотрителен и находчив»³⁴. Казалось, это один из многих моментов, когда он приукрашал правду о Большом Билле. Назвали бы Билла «великодушным и доброжелательным» рабочие, которых он рассчитывал и нанимал?

Джон Д. Рокфеллер описывал отца как эталон достоинств предпринимателя, и, хотя так он пытался прикрыть сомнительные стороны жизни Билла, крупица правды в этом утверждении была. Билл аккуратно выплачивал долги и свято верил в силу контрактов, не жалея сил на

их составление. Как заметил Джон: «Он очень скрупулезно выполнял условия своих контрактов, следил прежде всего, чтобы они были четкими и понятными и аккуратно составлялись, то есть были перенесены на бумагу. И то, как он выучил меня в соответствии с этими принципами, оказалось очень ценным, я убеждаюсь в этом всю мою жизнь»³⁵. За долгий деловой путь Джона Д. Рокфеллера обвиняли во многих грехах, но он гордился тем, что своевременно оплачивает по счетам и строго придерживается контрактов. Его обвиняли и в смешении беззакония и порядочности, в игнорировании этических тонкостей, как и его отца.

Следовал ли в итоге Джон Д. Рокфеллер при управлении «Стандард Ойл» беспринципным приемам отца или строгой респектабельности матери – вопрос, наиболее сурово нависший над его репутацией. Бертран Рассел однажды сказал о Рокфеллере: «То, что он говорил, думал и чувствовал, шло от его матери, а то, что он делал, шло от отца и усиливалось большой осторожностью, порожденной неприятностями в детстве»³⁶. Вопрос, конечно, не так прост, но не вызывает сомнений одно: успех Рокфеллера стал результатом сложного взаимодействия двух противоположных, глубоко укоренившихся в его натуре стремлений – отваги отца и рассудительности матери, – спрессованных вместе под большим давлением.

* * *

Учитывая скудость объективных данных о делах Билла в Моравии, приходится ворошить богатый фольклор, который он оставил после себя. В 1927 году в плотнике Чарльзе Братчере внезапно проснулся талант писателя и он опубликовал книгу «Джошуа: Человек из земель Фингер-Лейкс», с описанием похождений Уильяма Эйвери Рокфеллера, плохо замаскированным под роман. Книга на сто тридцать страниц, отпечатанная по частному заказу, стала даже коллекционным предметом, некоторые ее экземпляры продавались за сотни долларов. Главный герой – некто Уильям Рокуэлл, он же Большой Билл, и автор беспардонно смешивает факты и вымысел, поставив на первых страницах настоящую фотографию отца Рокфеллера. «Джошуа» без особой необходимости заявляет, что это «подлинная история из жизни», и передает легенды о Дьяволе Билле, которые в 1920-х годах все еще приятно волновали городских сплетниц. Значительная часть описанных историй пришла от Мелвина Розекранса, чей отец, Джошуа, сцепился с Большим Биллом в 1840-х годах. Книга необъективно преувеличивает похождения Билла и перечень его предполагаемых неблагоприятных поступков, но все же в ней достаточно подробностей, документально подтвержденных другими источниками, и потому ее стоит рассмотреть.

Согласно этому низкопробному чтиву, «непревзойденный и уверенный в себе» Большой Билл стал «грозою земель Фингер-Лейкс», его «злое присутствие чувствовали в каждом доме на мили вокруг». Элиза, «маленькая женщина с грустным лицом», появляется в яркой эпизодической роли, пребывая в неведении о настоящих причинах таинственных отлучек мужа: «Она всегда противилась бродяжничеству «Большого Билла» и его зловредным склонностям»³⁷. Если она и подозревала о его злодеяниях, она держала это при себе, чтобы уберечь детей. Вымышленная Элиза заслужила симпатии общества, и это соответствует тому, что мы знаем о ее настоящей жизни в Моравии.

В книге Рокуэлл связался с толпой головорезов, которые крали лошадей, а затем отдавали их знаменитой банде братьев Лумис. (Тяжкое, ничем не обоснованное обвинение, нависало над Биллом во всех трех городах штата Нью-Йорк, где он жил.) Не менее серьезное обвинение касалось доктора Уильяма Купера, кузена писателя Джеймса Фенимора Купера. Доктор Купер не любил Билла и отказывался иметь с ним дело. Книга утверждает, что Рокуэлл однажды держал на прицеле доктора Купера, не желавшего лечить Элизу, а впоследствии кто-то стрелял, наугад, по занавескам гостиной доктора и чуть не ранил его. Далее Рокуэлл описан, как

бессовестный развратник, который соблазняет симпатичных девушек с помощью секретного любовного эликсира и пытается соблазнить молодую женщину, работающую у него в доме. Он открыто разъезжает по Моравии со своими подружками и везет их кататься на лодке по озеру, невзирая на огорчение Элизы. «Эта бедная, перенесшая много страданий маленькая женщина знала о слабостях своего удалого супруга. Она уже давно была сломлена его превосходством и покорила судьбе»³⁸. Зловещего Билла даже обвинили в подсовывании фальшивых банкнот.

Поначалу местные пришли в такой ужас от грубого бесчестного Рокуэлла, что не осмеливались перечить ему. И все же разгневанные горожане в конце концов разогнали банду Билла, и «Джошуа» заканчивается триумфом правосудия. Происходит кульминация в зале суда, где доказано, что Рокуэлл собирался контрабандой сплавлять бревна по озеру Оваско и заплатил десять долларов негру, чтобы тот украл цепи для плотов. Удача оставила его, и Билл бежит из зала суда, а другой член банды попадает в тюрьму Оберна за конокрадство. В последний раз Большого Билла видят в Овего, где опять подозрительным образом начали пропадать лошади. Братчер заканчивает беззастенчивой рекламой, которую оценил бы и сам Билл, обещая продолжение и добавляя: «Готовятся переговоры, чтобы снять фильм по этой захватывающей истории и вскоре гарантировано его появление на серебряном экране»³⁹.

В начале 1900-х годов Ида Тарбелл отправила на север штата Нью-Йорк ассистента, и он собрал те же слухи о краже лошадей, которыми полны страницы «Джошуа». Как говорилось, лошади начали пропадать после того, как Большой Билл перебрался сначала в Ричфорд, а позже в Моравию. «В окрестностях прошел слух, что «банда Старого Билла» воровала лошадей», – доложил помощник Тарбелл⁴⁰. В 1850 году трое дружков Билла – Калед Палмер, Чарльз Тидд и некто Бейтс – были арестованы за кражу лошадей. Тидд сдал подельников, его показания были использованы, чтобы посадить за решетку Палмера и Бейтса. Следует подчеркнуть, что не известно ни одной записи этого процесса, которая бы связывала Билла с преступлением, и что биограф Аллан Невинс, тщательно изучив вопрос, охарактеризовал обвинения в конокрадстве как «смехотворные»⁴¹. И все же слухи нельзя так просто сбросить со счетов. Помощник Тарбелл отметил: «Все, с кем я говорил в Моравии, заявляют, что «Старый Билл» был главой банды». Джон Монро Палмер, сын одного из трех севших в тюрьму нарушителей, указал на Билла как на идейного вдохновителя «подпольной лошадиной железной дороги». «Рокфеллер был слишком умен, чтобы попасться, – ныл он. – Он погубил отца, а потом бросил его в беде»⁴².

Другая история, ходившая на севере штата Нью-Йорк на рубеже веков, утверждала, что Билл развращал деревенскую молодежь, уча их азартным играм. Один из старых жителей Хайрам Алли вспоминал, что деревенские мальчишки платили Биллу пять долларов, чтобы тот показал им карточные трюки и потом они могли обдирать других мальчиков. Джон Д. никогда не комментировал подозрения против его отца, но, за всю жизнь не прикоснувшись к картам, презрительно фыркнул в ответ на клевету: «Если бы мой отец был игроком, уж я бы что-то понимал в картах, не так ли?»⁴³

Дьявол Билл, несомненно, был яркой личностью, заставлял бурно цвести воображение, и некоторые истории о нем скорее приукрашены. Все же одно из обвинений оставило после себя более убедительный бумажный след. После Нэнси Браун в Ричфорде Элиза всегда нанимала молодую женщину, чтобы помочь с работой по дому, и в Моравии к ней приходила высокая симпатичная помощница Энн Вандербик. 26 июля 1849 года согласно бумагам, поданным в суд Оберна, Уильяму Эйвери Рокфеллеру было предъявлено обвинение, что он напал на Энн Вандербик 1 мая 1848 года и «тогда и там насильно, против ее воли злонамеренно изнасиловал и вступил в половое сношение с ней»⁴⁴. Обвинение в изнасиловании подкрепляет подозрения, что Билл был не просто очаровательным прохвостом и любителем пофлиртовать.

Итоги дела не позволяют прийти к окончательным выводам, все скрывает плотный туман домыслов. Билл не появлялся в здании суда, не предстал перед судьями и не был арестован. Все, изучавшие это дело останавливались перед одними и теми же вопросами. Почему прошло больше года со времени предполагаемого насилия, прежде чем было подано заявление? (Одна из исследователей-феминисток с готовностью упомянула труднопреодолимые препятствия, в те дни стоящие на пути женщин, выдвигающих обвинения в изнасиловании⁴⁵.) Почему иск не подписал прокурор? Почему никто не бросился в погоню за Биллом, когда тот покинул округ Каюга? И почему Энн Вандербик так и оставила этот вопрос? По нескольким устным историям можно предположить запутанную местную интригу. Билл совратил молодую женщину по имени Шарлотта Хьюитт, чьи братья, Эрл и Лью, ненавидели его за это. Один из братьев Хьюиттов был среди присяжных, привлечших Большого Билла к суду, и в итоге некоторые сочли обвинение сфабрикованным, вендеттой со стороны братьев. Помощник Иды Тарбелл выдвинул другую теорию: «Я думаю, обвинение отозвали, возможно, понимая, что он уедет из округа. В те дни это было довольно стандартной процедурой»⁴⁶.

Если и существовало некое временное перемирие между Биллом и Джоном Дэвисоном, давно пожалевшем о том дне, когда Билл Рокфеллер околдовал его благоразумную дочь, скандал положил ему конец. Пока семья жила в Моравии, Дэвисон подлатал отношения с Билом и одолжил ему почти тысячу долларов двумя займами – в августе 1845 года и в октябре 1846 года. Теперь, после обвинения в изнасиловании, их и без того непрочные отношения рухнули окончательно – что придает больше достоверности иску. Когда Билл сообщил Дэвисону об обвинении и попросил внести залог, Дэвисон резко ответил, что «уже слишком стар, чтобы идти кого-то выкупать». Обескураженный Билл с горечью ответил, что уедет из округа и никто его больше не увидит. Дэвисон забеспокоился о своих двух непогашенных ссудах, пошел прямо в суд, заявил, что зять планирует надуть своих кредиторов и возбудил иск на одну тысячу двести пятьдесят долларов и семьдесят пять центов⁴⁷. Элиза и ее потомство, вероятно, пережили совершенно унижительный момент, когда шериф и два соседа пришли оценивать их движимое имущество и переписали все на имя Джона Дэвисона. Дэвисон, кроме того, изменил завещание, поместив наследство Элизы в руки попечителей, по всей вероятности, чтобы убедиться, что хваткий зять не приберет его к рукам.

Во второй половине 1849 года Билл покинул семью и шатался по глубинке, разведывал новые поселения и новые города. Весной 1850-го, в год, когда Натаниэль Готорн опубликовал «Алую букву», Билл перевез семью в Овего, недалеко от границы Пенсильвании. Возможно, как человек, скрывающийся от закона, он предпочитал быть ближе к границе штата на случай, если вдруг нарисуются неприятности. Хотя в то время Джону было всего десять лет и он вряд ли был осведомлен о произошедшем – сложно представить, чтобы Элиза делилась такими скандальными вещами с мальчиком, – он позже высмеивал обвинения в изнасиловании и потешался над мыслью, что его отец бежал от закона. «Если [мой отец] уехал «под давлением»... я знал бы что-то об этом. Не было ничего подобного. Мы переехали в Овего, и если и правда бежали от правосудия, то недостаточно далеко»⁴⁸. Склонность Джона в более зрелом возрасте преуменьшать семейный позор скорее всего имеет несколько причин – от сыновней почтительности до соображений связей с общественностью. Он знал, что люди, нацелившиеся доказать его собственную аморальность, хотят подкрепить свои доводы, сначала запятнав имя его отца. Следует отметить и его привычку отрицать, и впечатляющую способность отфильтровывать неудобные мысли, особенно об отце, в точности как позже он отклонял критику своего спорного поведения в бизнесе. Джон Д. Рокфеллер черпал силы в упрощении реальности и в убеждении, что излишние размышления о неприятных событиях, которые нельзя изменить, только ослабляют решимость человека перед врагами.

В какой-то момент его детства, возможно после бегства из Моравии, к почтению Джона к отцу все же начали примешиваться смутные более враждебные чувства. (Один писатель, склонный к психоанализу, даже предположил, что ледяной самоконтроль Рокфеллера сформировался как реакция на подавленные фантазии об убийстве его отца⁴⁹.) В более поздние годы друзья и знакомые Джона Д. отмечали, что поднимать тему Большого Билла было рискованно, она являлась табу, одной из тех, что Джон бескомпромиссно обходил молчанием. Как отметил один из первых биографов: «С самого начала его карьеры он возвел секретность вокруг своего отца и скрытность вокруг его визитов в разряд религиозного ритуала»⁵⁰.

Мы не можем сказать, когда Рокфеллер впервые начал стыдиться отца, но это чувство оказало столь серьезное влияние на формирование его личности, что следует вкратце остановиться на этом вопросе. В городках, где прошло детство Джона, Билл слыл человеком обаятельным, но пользовался дурной славой и порождал бесконечные домыслы о своих отлучках и источниках дохода. С таким отцом мальчику приходилось отсеивать злобные сплетни и формировать стойкое безразличие к мнению общества. Это воспитало в нем привычку к секретности, дошедшую до автоматизма, страх перед толпой, неприятие пустой болтовни и длинных языков – и она сохранилась на всю жизнь. Он выработал скрытность и испытывал недоверие к незнакомцам. Возможно, из инстинкта самосохранения Билл научил детей быть осмотрительнее с незнакомцами и даже с ним самим. Когда Джон был еще маленьким, у них с Биллом была игра: мальчик прыгал с высокого стула в руки отца. Однажды тот опустил руки и позволил своему изумленному сыну рухнуть на пол. «Запомни, – поучал его Билл, – никогда никому не доверяй полностью, даже мне». Через некоторое время, идя с мальчиками по Кливленду, он наставлял их не бежать вместе со всеми ни на пожар, ни на парады. «Забудьте про толпу, – сказал он им. – Держитесь от нее подальше. Занимайтесь своим делом»⁵¹. Элиза, вероятно, тоже настраивала детей против сплетников и запрещала обсуждать семейные дела с другими людьми. Мальчик, оказавшийся в состоянии выстоять против злых пересудов соседей, конечно же, был прекрасно подготовлен к тому, чтобы пройти целым и невредимым и даже непримиримым сквозь бурные неутрахающие споры, позже вошедшие в его жизнь.

* * *

При всей неустойчивости их жизни Рокфеллерам в их беспокойных скитаниях по югу штата Нью-Йорк нравилось ощущение роста их социального статуса, когда они переезжали из Ричфорда в Моравию и в Овего – каждый город был крупнее, более процветающим и вселял больше надежд, чем предыдущий. Овего, главный город округа Тайога, расположенный южнее Ричфорда и западнее Бингемтона, стоял на широком красивом изгибе реки Саскуэханна. Он был определенно многочисленнее всех мест, которые молодой Джон Д. видел ранее, это была утонченная деревенька с изящными домами вдоль Фронт-стрит, позволявшей мельком увидеть красивую жизнь. Овего пользовался официальным статусом сельского поселения, здесь стояло величественное здание суда, хорошо укомплектованная библиотека, довольно известная школа и другие зарождающиеся признаки культуры. Городок с населением семь тысяч двести человек славился и необычно большим числом живущих здесь писателей и художников.

Возможно, из-за того, что жили они здесь недолго, Рокфеллер никогда не испытывал такую же нежную привязанность к Овего, как к Моравии, но сохранил приятные воспоминания о нем. «Какое красивое место Овего! – воскликнул он однажды. – Как повезло нам расти там, среди красивой природы, с хорошими соседями, культурными людьми, добрыми друзьями»⁵². Ему забавно было вспомнить, как Овего развенчал его детские провинциальные представления. «Там на вокзале я однажды увидел француза! Только подумайте – настоящего живого француза. И у него были усы – никогда их раньше не видел»⁵³. 1 июня 1849 года, перед

самым переездом Рокфеллеров, Овего впервые увидел дым паровоза железной дороги «Эри» – и тысячи зрителей заполнили склоны холмов, чтобы приветствовать поезд, вползающий на станцию под выстрелы церемониальной канонады и звон церковных колоколов. «О поездках мы знали, даже когда я был совсем ребенком, только их было мало, и они были короткие и черные от сажи», – сказал Рокфеллер о транспортных средствах, занявших такое серьезное место в его собственных подвигах⁵⁴. Железная дорога нарушила изолированность и самостоятельность экономических систем в таких небольших поселениях, каким был Овего, сделала их частью региональных и национальных рынков и одновременно обострила аппетиты местных жителей в вопросе материальных благ, приглашая искать удачи в отдаленных городах.

Рокфеллеры жили в трех милях (около 5 км) к востоку от города, среди мягких пасторальных лугов и рощиц у реки. Из двух домов, которые они занимали во время пребывания в Овего, второй был поменьше, поэтому можно сделать вывод, что Билл и Элиза столкнулись с финансовыми проблемами, и им пришлось урезать расходы. Из второго дома – больше напоминавшего коттедж, а не ферму, – открывался прекрасный вид на мутноватые воды извилистой Саскуэханн с лесистым силуэтом Большого острова (позже остров Гайавата) и занавесом из голубых холмов в отдалении. В таком уютном местечке Джон делил постель с Уильямом. «Это был маленький домик, – предавался воспоминаниям Джон спустя годы, – но наш милый домик»⁵⁵.

Возможно, Билл выбрал Овего потому, что для человека, занимающегося лесозаготовками, здесь имелись заметные преимущества. Во время разливов по реке Саскуэханна легко было сплавлять плоты, и в результате в городе появилось несколько лесопилок. Могло иметь значение и то, что 27 сентября 1849 года, прямо перед переездом Рокфеллеров, ужасный пожар уничтожил сто четыре дома в центре Овего, пламя пощадило только три лавки; катастрофа предвещала повышенный спрос на лес, так как город перестраивался. И наконец, город имел репутацию мекки самозваных докторов. По воспоминаниям одного из жителей Овего: «После Гражданской войны их тут жило с десяток»⁵⁶.

За три года в Овего эскапады Билла, казалось, стали еще более непредсказуемыми, чем раньше. Появлялся он в городе редко и ненадолго, но хорошо запомнился изумленным местным жителям. «Он был лучше всех одет на мили вокруг, – вспоминал близкий сосед. – Никогда не появлялся без своего изящного цилиндра»⁵⁷. Элиза уже близилась к сорока годам, многие тяжелые испытания отразились на ней, лицо теряло цветение молодости, становилось суровым и тонким. Горожане говорили о ней как о приветливой, воспитанной, благопристойной леди, днем навещавшей соседей, всегда одетой в черное шелковое платье, похожее на траурные одежды вдовы. Ее хвалили за строгую дисциплину, аккуратный вид и силу духа. При всех ее тяготах она уже не казалось такой отчаявшейся, как в Ричфорде и Моравии, как будто привыкла к своей ноше и смирилась с отсутствиями Билла.

Билл, которого Элиза когда-то считала преисполненным важности властным мужем, теперь был безвозвратно изобличен, как подлец, и упал в ее глазах. Крушение иллюзий о ее красавце муже, возможно, упростило дела дома. «Семью растила именно она, – сказал один из знакомых, – отец, даже когда был дома, не вмешивался в ее порядки. А порядки были строгие»⁵⁸. Другой сосед назвал ее «необычайно ясно мыслящей и толковой христианской матерью. Наверное, сегодня ее наказания показались бы строгими и даже суровыми, но, хотя она заставляла детей слушаться и не позволяла сидеть без дела, дети любили ее, так же, как она любила их»⁵⁹. Шутки с такой матерью были плохи. Однажды Элиза была больна и лежала в постели, и тут выяснилось, что Джон не выполнил ее поручение и приговор не заставил себя ждать: мать отправила его к Саскуэханне выбрать ивовый прут. С молчаливой хитростью, которая станет его характерной чертой, он надрезал прут ножом в нескольких местах, чтобы он согнулся и

сломался после первых ударов. Элизу провести не удалось. «Пойди и принеси другой прут, – распорядилась она, – и смотри, чтобы на этот раз он не был изрезан»⁶⁰.

Элиза, должно быть, находила религиозную атмосферу Овего благоприятной. Джон сохранил неизгладимый образ Овего – он стоит за домом и слышит, как Элиза молится вслух в спальне наверху. Местные баптисты были деятельными людьми, евангелистами, каждую зиму они проводили множество раскаявшихся грешников на лед Саскуэханны, вырезали полыньи и крестили людей. По воскресеньям соседи подвозили Элизу и детей в баптистскую церковь в деревне. Детей воодушевило одно из занятий в воскресной школе, посвященное прощению, и они завели обычай, говорящий о том, насколько религия пропитала их жизни. Каждую ночь, ложась спать, дети поворачивались друг к другу и спрашивали: «Ты прощаешь меня за все, что я сделал тебе сегодня?»⁶¹ Когда они засыпали, атмосфера уже очищалась от всех взаимных упреков и отравляющего гнева.

В Овего Элиза все больше стала полагаться на Джона, как будто учила его быть всем, чем так и не стал Билл. Как и мать, без Билла Джон казался сильнее, выходил из его тени и становился самостоятельной личностью. Многочисленные обязанности приучили его к большой нагрузке. Когда он не был в школе, он колол дрова, доил корову, носил воду из колодца, ухаживал за садом и ходил по магазинам, одновременно присматривая за младшими детьми в отсутствие матери. «Я был приучен делать столько дел в возрасте десяти или одиннадцати, сколько было мне по силам», – отметил он позже⁶².

Как временно занявший место Билла, он строго контролировал семейный бюджет и научился трезво оценивать мир. Однажды он потратил три дня, помогая местному фермеру копать картошку и получая тридцать семь с половиной цента в день. А вскоре после этого он одолжил одному фермеру пятьдесят долларов под семь процентов, и в конце года, и пальцем не пошевелив, получил три с половиной доллара. Практичный мальчик увидел наглядный контраст. Такая удачная математика как громом его поразила, стала для него откровением. «Я понемногу начал понимать, что хорошо бы деньги работали на меня, а не я на них»⁶³. Среди местных фермеров гораздо большей популярностью пользовался Уильям, добродушный мальчик, с удовольствием помогавший в работе и не задававший слишком много вопросов, тогда как более рациональный Джон анализировал работу, разбивал ее на составляющие и думал, как выполнить ее наиболее практично.

Всю свою жизнь Джон Д. Рокфеллер-старший язвительно высмеивал обвинения, что еще ребенком он жаждал денег и стремился сказочно разбогатеть. Его, конечно, смущали инсинуации, что им двигала жадность, а не смиренное желание служить Богу и человечеству. Он предпочитал видеть в своем состоянии приятную случайность, непредвиденный побочный эффект упорного труда. Однако известны истории, подтверждающие, что Рокфеллер и правда мечтал о деньгах еще подростком в Овего. Один раз, гуляя у Саскуэханны с другом, он выпалил: «Однажды, когда-нибудь, когда я стану взрослым, я хочу стоять сто тысяч долларов. Когда-то так и будет»⁶⁴. Известно так много похожих примеров, что напрашивается вывод, что Рокфеллер предпочел стереть подобные воспоминания из памяти. Учитывая ту пылкую страсть, какую питал к деньгам его отец, было бы странно, если бы и сына не околдовало золото.

В детских мечтах Рокфеллера не было ничего необычного, времена подпитывали алчные фантазии в миллионах впечатлительных школьников. Для предприимчивых молодых людей Америка перед Гражданской войной была местом смелых начинаний и неограниченных возможностей. После войны с Мексикой, в начале 1848 года страна присоединила огромные территории – Техас, Нью-Мексико и северную Калифорнию. В тот же год на лесопилке Джона Саттера в Калифорнии было обнаружено золото, и в сумасшедшей спешке на запад устремились девяносто тысяч золотоискателей. Как раз когда Рокфеллеры переезжали из Моравии в Овего, толпы оживленных мужчин ехали через континент, огибали Южную Америку на кораблях или

с трудом тащились через Панамский перешеек, пытаясь любой ценой попасть в Калифорнию. Десять лет спустя найдут нефть, и такое же светопрествление случится в западной Пенсильвании. Хотя для большинства искателей золотая лихорадка оказалась западней и разочарованием, редкие истории успеха разжигали воображение людей. Марк Твен назвал калифорнийскую золотую лихорадку переломным моментом, благословившим культ денег и принизившим идеалы, на основе которых создавалась страна.

В Овего Джон получил первоклассное образование, тогда редкость для сельской Америки, где детей не было принято отдавать в школу. Поначалу дети Рокфеллеров ходили в школу недалеко от дома; из-за стесненных обстоятельств семьи учебники им купил доброжелательный сосед. В августе 1852 года Джон и Уильям поступили в Академию Овего, основанную в 1827 году, без сомнений, лучшую школу в той части штата Нью-Йорк. Трехэтажное кирпичное здание, увенчанное высоким шпилем и окруженное деревьями, должно быть, внушало благоговение сельским мальчикам Рокфеллерам. Возглавлял академию знающий свое дело шотландец, доктор Уильям Смит. Он заставлял учеников оттачивать речь, и они писали каждые две недели сочинения и выступали на заданные темы; языковые навыки, наработанные в Овего, проявились в сжатых деловых письмах Рокфеллера. Школа выпустила многих выдающихся людей, в их числе Томас К. Платт, позже ставший «Легким боссом» во главе нью-йоркской машины республиканцев, и проповедник Вашингтон Гладден, который выпустил некоторые наиболее резкие обличительные статьи против «Стандард Ойл».

Многие из трехсот пятидесяти учеников происходили из влиятельных семей, и Джон позже одобрительно высказывался об общении с городскими ребятами, говоря, что это «непреренно шло на пользу сельским мальчикам»⁶⁵. Школа брала заоблачную плату за обучение – три доллара за семестр, поэтому можно предположить, что через два года в Овего медицинские гастроли Билла наконец-то начали приносить деньги. Джон никогда не высказывал недовольства тем, что являлся, по стандартам академии, бедным мальчиком. Когда в школу пришел фотограф делать снимки класса, Джона и Уильяма исключили, потому что их костюмы были слишком поношены. Другие бы на их месте, возможно, обиделись, но Джон сохранил и всегда ценил дагерротипы товарищей по школе: «Я не расстался бы с этой коллекцией ни за какие деньги»⁶⁶. В доме Элизы Рокфеллер не было принято пережевывать обиду, следовало сосредоточивать взгляд на практических задачах впереди. Джон никогда не стремился к популярности в школе. Как будто после чрезмерного внимания, которое привлекал его отец, он хотел тихо и неприметно слиться с толпой.

Тогда как многие обеспеченные ученики жили в школе, мальчики Рокфеллеры каждое утро проходили три мили (ок. 5 км) и, как многие ребята, в теплую погоду шли босиком по пыльным улицам. Долгий путь проходил мимо красивых солидных домов с хорошо постриженными лужайками, смотрящих на реку Саскуэханна. Джон часто выходил пораньше и неспешно размышлял, пока шел своим медленным шагом, глаза его всегда были устремлены на землю перед ним. Но он был не прочь и срезать путь и иногда сидел у дороги и просил проезжающих возниц подбросить.

Джон был медлительным и непримечательным учеником, без каких-либо выраженных способностей, и только один аспект школьной жизни, казалось, по-настоящему вызывал его интерес. По субботам директор показывал ученикам технические новинки, в корне менявшие тогда американский бизнес, и Джон не отрывал глаз от телеграфного аппарата (изобретенного Сэмюэлем Ф. Б. Морзе в 1837 году), гальванических батарей и других изобретений. Такие вещи захватывали его гораздо больше острых социальных вопросов, которые Гарриет Бичер-Стоу подняла в «Хижине дяди Тома», опубликованной в 1852 году в ответ на Закон о беглых рабах 1850 года.

Ситуация дома была достаточно хаотичной, и детям Рокфеллеров было трудно учить уроки. С пятью подрастающими энергичными детьми маленький коттедж был шумным и тес-

ным. Каждый вечер Элиза отводила мальчиков к соседке Сюзан Ла Монти, и та присматривала за ними и следила, чтобы они делали домашние задания. Девушка запомнила Уильяма и Фрэнка как типичных проказников, пихающих и дразнящих друг друга, а Джон был странным образом собран, мальчик-мужчина, образец взрослого поведения. «Я не помню, чтобы Джон в чем-то выделялся. Он всегда усердно работал; говорил мало и учился с большой прилежностью... В нем не было ничего, что заинтересовало бы кого-то или заставило задуматься о его будущем»⁶⁷.

На фотографии 1852 года дети Рокфеллеров сидят в чернильном сумраке фотостудии – Джону тринадцать лет, Уильяму – одиннадцать и Мэри Энн девять лет. Они пустым взглядом смотрят в камеру и выглядят достаточно угрюмо. Джон одет в клетчатый костюм, волосы аккуратно зачесаны назад, у него продолговатое бесстрастное лицо, и выражение его непроницаемо. Лицо Уильяма мягче и круглее, а одежда – в том числе жилетка в горошек и цепочка часов – говорят о более легком характере, унаследованном от отца. Мэри Энн одета в простое платье фермерской девочки, волосы разделены пробором и заплетены в косички. Групповой портрет говорит о принадлежности к респектабельному среднему классу, но его безрадостное настроение – отчасти связанное с медленным процессом фотографирования в те дни – показывает, что детство было не таким идиллическим, как любил вспоминать Джон.

Тяжелый повседневный труд часто облегчали игры, а у Джона появились первые возможности флиртовать с девушками, и он демонстрировал вспышки остроумия. Однажды, на воскресном пикнике – ему было лет двенадцать – он проходил мимо группы девушек, сидящих перед кучами еды и заметил: «Помните, девушки, если есть медленно, съедите больше!»⁶⁸ Рокфеллер все больше примечал противоположный пол и все же, помня историю отца, жестко сдерживал свои порывы. Сюзан Ла Монти видела чувственность в мальчике, не заметную случайным наблюдателям; ее поражало его «большое восхищение красотой. Была девочка, она ходила в школу недалеко от нашего дома, милая крошка по имени Фрир, с красными щечками, сияющими глазами и приветливым личиком. Позже господин Рокфеллер справлялся о ней, а когда она осталась вдовой и нуждалась, он помогал ей небольшой пенсией»⁶⁹. Сюзан Ла Монти видела, что за поразительной для мальчика самодисциплиной были скрыты глубокие эмоции, и вспоминала, как он прошел через обряд скорби, когда умерла одна из ее сестер. «В день, когда она умерла, Джон пришел к нам и растянулся на земле и не уходил. Ему было так жаль ее, что он не уходил и лежал весь день»⁷⁰. В этих рассказах раскрывается чувствительность, которая всегда присутствовала в Рокфеллере, но которая позже будет тщательно скрываемая за безупречным внешним видом динамичного предпринимателя.

Глава 3

Обречен стать богатым

Как странствующий торговец, Уильям Эйвери Рокфеллер быстро превращался в пережиток прошлого, часть прежней Америки, когда рынки росли не за счет новых способов связи или транспорта, а когда торговцы просто охватывали больше территории. Большого Билла, как магнитом, тянуло дальше на запад, подальше от быстро растущих городов и индустрии восточного побережья, к далеким поселениям на американской границе. В начале 1853 года Рокфеллеров вновь закрутило в водовороте жизни Билла, они сорвались с насиженного места, и отец отвез их на поезде в городок в прериях штата Огайо под названием Стронгсвилл, примерно в дюжине миль (около 20 км) к юго-западу от Кливленда. В этот поворотный момент Билл начал потихоньку дистанцироваться от своей растерявшейся семьи и сформировал новую романтическую привязанность, которая оказалась гораздо глубже, чем все предыдущие случаи супружеской измены, и которая, наконец, разорвала его семейные узы.

В Ричфорде, Моравии и Овего Элиза и дети, по крайней мере, любили свои дома и сохраняли некоторую толику собственного достоинства, теперь же Билл бросил их в доме своих сестры и зятя, Сары Энн и Уильяма Хамистона, которые за триста долларов в год изображали родственников, размещали и кормили его клан. После всех скитаний семье Билла это, наверное, казалось ужасно нечестным. Их жизнь всегда была непривычно беспокойной, а теперь они и вовсе скатились вниз по социальной лестнице, на которую с таким трудом взбирались и оказались отщепенцами, париями в странном новом городке в Огайо.

Шестеро Рокфеллеров оказались втиснуты в небольшом доме с шестью или семью Хамистонами, несмотря на то что в то время Билл, похоже, купался в деньгах. Много лет спустя Билли Хамистон утверждал, что Дьявол Билл слыл настолько богатым, что раздавал ссуды под большие проценты, держал три или четыре ружья, имел богатый гардероб и щеголял кольцами с бриллиантами и золотыми часами. Из всего этого следует, что он неожиданно переехал в Огайо не столько из-за стесненных денежных обстоятельств, сколько из соображений собственного удобства¹. Хамистоны необычайно восхищались Элизой, ее великолепной деловой хваткой и умением разумно распоряжаться деньгами, но в переполненном доме скапливалось невероятное напряжение. Билли-младший позже описал двоюродных братьев, Уильяма и Фрэнка, как очень шумных, а Джона как педанта. «Мальчиком Джон был точно таким же, какой он сейчас – святошей и щепетильным»². Ко всеобщему облегчению Рокфеллеры вскоре съехали и поселились на маленькой ферме на окраине Стронгсвилла.

К этому моменту Большой Билл совершенно утратил интерес к лесозаготовкам и другим оседлым видам деятельности и окончательно надел личину бродячего врача или «лекаря-травника», как его вскоре записали в адресной книге Кливленда. В первый год после того, как он оставил семью в Стронгсвилле, Билл возвращался лишь три или четыре раза, но по любопытной случайности горожане прознали о его мошенничестве. Однажды житель Стронгсвилла, Джо Уэбстер, поселился в отеле в Ричфилде, штат Огайо, и поразился объявлению в фойе, возвещавшему о том, что «Доктор Уильям Э. Рокфеллер, прославленный специалист по лечению рака, всего один день. Все случаи рака будут излечены, если не слишком запущены, но и тогда лечение может быть весьма полезным». Вскоре после этого складной театральной скороговоркой, с интонациями многих других торговцев патентованными лекарствами Билл собрал у отеля толпу. Он встал в полный рост на своей коляске с прислоненным к колесам объявлением, как актер на сцене, в цилиндре, черном сюртуке, с темно-рыжей бородой, представился как Док Рокфеллер и предложил высокоэффективные средства от рака за заоблачные двадцать пять долларов; те, кто испытывал финансовые трудности, могли купить пузырьки с лекарством

подешевле. По завершении презентации Уэбстер подошел к нему, но Билл нисколько не сконфузился, а даже похвалился, что в последнее время «врачает» до самой Айовы и собирается купить там землю. Когда Уэбстер вернулся в Стронгсвилл и рассказал о своем невероятном открытии, весть быстро разлетелась по городку, и местные жители стали называть своего загадочного непоседливого соседа Доком Рокфеллером – не без доли веселья, конечно. Прозвище пристало.

Осенью 1853 года, после восьми месяцев в Стронгсвилле, Большой Билл решил, что пришло время Джону и Уильяму продолжить образование, и потому отвез их в Кливленд и поселил их в пансионе миссис Вудин на Эри-стрит, где они платили по доллару в неделю за комнату и еду. Из-за частых переездов семьи Джон оказался в кливлендских школах в невыгодном положении. Сохранилось только одно его воспоминание, касающееся этого вопроса, в 1923 году он написал: «Я только что приехал из штата Нью-Йорк и помню мое унижение, когда был вынужден остаться на один семестр в старой Школе на Клинтон-стрит – после нескольких лет в Академии Овего... я предполагал, что сразу пойду в старшие классы»³. Для гордого мальчика переход на ступень ниже, должно быть, стал одним из многих мелких, но болезненных унижений, пережитых за эти тревожные годы.

Когда в 1854 году в возрасте пятнадцати лет Джон наконец поступил в старшую школу (позже ее назвали Центральной), это все еще был скромный одноэтажный дом в тени деревьев, за чисто-белым деревянным забором. В 1856 году школа переехала в гораздо более современное новое здание. Школа следовала прогрессивной теории бесплатного образования для мальчиков и девочек и пользовалась великолепной репутацией. Так как здесь делался упор на сочинения, для перехода в следующий класс Джону нужно было сдать работы по четырём темам: «Образование», «Свобода», «Личность Св. Патрика» и «Воспоминания о минувшем». Во времена, когда страна разделилась по вопросу, будет ли вводиться рабовладение на новых территориях – Закон Канзас – Небраска был принят в мае 1854 года, – Рокфеллер предстает молодым демократом и убежденным аболиционистом. В сочинении «Свобода» он назвал «нарушением законов нашей страны и законов Бога нашего, если человек держит ближнего в неволе». Если рабовладение быстро не пресечь, предрекал он, это «приведет к краху нашей страны»⁴. И только с образованными гражданами Америка добьется успеха, верил он. «В прежние времена, когда к учению допускали лишь монахов и священников, мир стоял на месте, и только когда люди выучились и стали думать самостоятельно, он шагнул вперед»⁵. Подобные взгляды на аболиционизм и всеобщую грамотность были характерны для северных евангельских баптистов, приемлющих деспотизм в политике не более, чем в церкви. Рокфеллер, как человек, всего добившийся сам, всегда порицал аристократию и духовенство как бездельников, препятствующих истинному прогрессу, держащихся за привилегии, и противников простых предприимчивых людей.

Рокфеллер с большой ясностью и точностью выражал свои мысли. (Товарищи по школе звали его «Джон Д.», потому что так он подписывал свои сочинения.) Он был прекрасным участником дебатов, показывая, что за сдержанной манерой кроется человек, способный говорить решительно. Одну речь он начал со слов «Я рад, но мне грустно», и этот прием настолько позабавил его одноклассников, что его прозвали «Старик радостный, но грустный»⁶. Было у него и другое не менее скорбное прозвище – «Диакон», и ему, по сути, оно *нравилося*, что многое говорит о предпочтениях Джона. Как сказала сестра его будущей жены, Люси Спелман: «Он был старательным мальчиком, серьезным, сдержанным, никогда не шумел и не предавался шумным играм»⁷. Рокфеллер часто прижимал свою грифельную дощечку к груди, эта поза наводит на мысль о сдержанности характера.

Каким бы закрытым или обособленным ни считался Джон Д., своя компания друзей у него всегда была. Одним закадычным другом стал Марк Ханна, потомок зажиточных бакалей-

щиков и товарных агентов, а позже сенатор США и руководитель Республиканской партии. Триумvirат с ними сформировал Дарвин Джонс, которому врезался в память контраст между Ханной и Рокфеллером. «Марк был мужественного вида, всегда активным и принимал участие почти во всех атлетических занятиях, а Джон Рокфеллер был сдержанным, усердным, хотя всегда приятным в общении. Не важно, из-за чего начиналась суматоха, Джон сохранял спокойствие и неизменно улыбался»⁸. Спустя много лет Рокфеллер испытывал раздражение, когда уже после смерти Марка Ханны цитировали, якобы он описывал Джона «разумным во всех отношениях, кроме одного – он помешан на деньгах!»⁹ Как и в Академии Овего, одноклассники в Кливленде вспоминали, как Рокфеллер озвучивал горячее желание однажды стоить сто тысяч долларов.

Мальчишеская серьезность Джона многим взрослым нравилась, но некоторых и беспокоила, они находили в нем что-то странное и неестественное. Одна учительница старших классов с очевидной неприязнью описала его как «самого хладнокровного, самого тихого и самого осмотрительного парня»¹⁰. Даже будучи подростком, Рокфеллер требовал, чтобы с ним обращались уважительно, как со взрослым. Вспоминая директора школы, доктора Эмерсона И. Уайта, Рокфеллер упомянул об отношении к нему: «Господин Уайт был джентльменом. Он обращался со мной, как с джентльменом – и с другими мальчиками тоже»¹¹. Рокфеллер болезненно реагировал, когда взрослые вели себя с ним свысока. Взяв на себя такую долю ответственности дома, он считал себя взрослым человеком. Билл открыл ему отдельный собственный счет в банке, и жизнь Джона была гораздо более независимой, чем у его одноклассников.

В этом стойком собранном мальчике совершенно не было бунтарства. Он, рассматривая свое образование исключительно с практической точки зрения, учился усердно, хотя и не показывал резвости ума. «Я был очень спокойным и серьезным, – говорил он, – готовился выполнять жизненные обязанности»¹². Он проявлял фантастические способности к числам. «Арифметические задачи привлекали его больше всего, – сказала Люси Спелман, – потому что дома его научили точно подсчитывать доходы и расходы»¹³.

Наверное, наиболее удивительной гранью, раскрывшейся в ранней юности Джона Д., стало его серьезное увлечение музыкой. Одно время он даже хотел стать музыкантом и, пока они еще жили в Овего, сводил с ума Элизу, занимаясь на фортепьяно до шести часов в день. Фортепьяно тогда являлось символом приличного дома среднего класса, и, возможно, эти занятия говорили о его светских устремлениях. Человеку, не доверяющему другим формам искусства, считающему их пагубными, вызывающими неуправляемые эмоции и языческую чувственность, музыка давала средство выражения, которым он мог от всего сердца наслаждаться с одобрения церкви.

Для подростка пансион миссис Вудин уже сам по себе становился школой. Ее дочь, Марта, была на несколько лет старше Джона и Уильяма, и они устраивали горячие дискуссии по многим темам, к ним присоединялась и яркая прямолинейная миссис Вудин. Самые оживленные споры вызывало ростовщичество. Когда Джону было пятнадцать лет, у него уже была необычная договоренность с отцом, которому он ссуживал небольшие суммы под процент; не будучи сентиментальным в делах, он просто брал с отца, сколько мог взять – и наверняка Билл с энтузиазмом одобрял эту практику. По словам Рокфеллера, миссис Вудин «бурно возражала против заимодавцев, получавших большие проценты, и мы часто и нешуточно спорили на эту тему»¹⁴. Типичным для Рокфеллера образом, вопрос делового метода и морали занимал его гораздо больше, чем заумные темы в учебниках.

Как будто стыдясь бродячей семейной жизни, Рокфеллер был склонен сильно упрощать свою историю, особенно когда рассказывал о юности. Проведя год в Стронгсвилле, как утверждал Джон, его семья переехала в Парму, в семи милях (11 км) к югу от Кливленда, а затем в собственный дом в самом Кливленде. В действительности он опустил два важных пункта в

Кливленде перед перемещением в Парму, что можно по крохам собрать из рассказа директора его школы, доктора Уайта: «Однажды в 1854 году ко мне подошел высокий угловатый мальчик и сказал, что его овдовевшая мать и две сестры переезжают жить в Кливленд и что он просит помочь найти им временный дом». Добродушный Уайт пригласил Рокфеллеров пожить у него и его невесты, и Джону «это понравилось, и он всегда утверждал, что для его матери это было счастливое время»¹⁵.

В этой истории бросаются в глаза два слова – *овдовевшая мать*. Вероятно, с психологической точки зрения имеет значение, что первый известный пример лжи со стороны Рокфеллера связан с попыткой замолчать существование отца – фактически похоронить заживо. При том, что три-четыре раза в год Билл все же появлялся в Кливленде, эта выдумка требовала от его сына известной смелости. Мелкий эпизод становится особенно интересным, если отметить, что более тридцати лет спустя, когда Элиза умерла – раньше Билла, Джон распорядился, чтобы священник на похоронах называл ее вдовой. Несмотря на любезный ответ директора, Джон, как подросток, должно быть, чувствовал себя совершенно унижительно выпрашивая временное жилье для своей семьи.

Билл вновь объявился и перевез семью в центр Кливленда, на Перри-стрит, в дом, арендованный у господина О. Дж. Ходжа. Джона тот запомнил как «невзрачного юношу, совершенно не показывавшего веселости, которая часто заметна у мальчиков этого возраста. Обычно он тихо сидел на своем стуле и слушал, что говорят»¹⁶. Как то повелось еще в Ричфорде, Билл щепетильно и своевременно выплачивал аренду. «Никогда аренду – двести долларов в год – не платили более исправно, и никогда у меня не было лучшего во всех отношениях жилья», – говорил владелец дома¹⁷. Не прошло и года, как Билл переселил семью на ферму в Парме, на десяти акрах (4 га) у реки, а Джон вернулся к миссис Вудин, которая переехала сначала на Сент-Клер-стрит, а затем на Гамильтон-стрит.

На фотографии того времени Джон, и две его сестры, и два брата опять погружены в похоронный хмурый вид, никто из них не улыбается. Теперь Джон превратился в высокого худого юношу, весил около ста сорока фунтов (63 кг), светло-каштановые волосы были аккуратно причесаны, и одевался он всегда чисто и опрятно. Позже он смеялся над своей юношеской серьезностью: «С четырнадцати и до двадцати пяти я выглядел гораздо более чинным, чем теперь», – справедливо заметил он, когда ему было уже за семьдесят¹⁸. В Стронгсвилле и Парме Элизу беспокоило множество таверн, и она всячески старалась уберечь детей от недозволенных развлечений. Должно быть, она особенно встревожилась, когда ее старший сын подошел к опасному обряду инициации, первой любви. Что интересно, Джон Д. повторил обыкновение своего отца заводить шашни с домашней прислугой. В Стронгсвилле Элиза наняла помощницу по дому, симпатичную дочку фермера Мелинду Миллер, та работала и делила с семьей стол. Когда Рокфеллеры переехали в Парму, Мелинда возобновила работу у них, а Джон, на год младше ее, часто приезжал из Кливленда и ходил вместе с ней на прогулки. Вскоре по городу поползли слухи, что Джон лишил девушку невинности. Правда это или нет, Миллеры подняли жуткий шум. Они заявляли, что не хотят, чтобы их дочь тратила время на молодого человека, не имеющего никаких перспектив – и как же они ошиблись в своих предсказаниях. По слухам, один из родственников Мелинды приехал за ней на коляске. Впоследствии Мелинда вышла замуж за молодого Джо Уэбстера, чей отец наткнулся на представление Большого Билла¹⁹. С точки зрения карьеры Рокфеллера, разрыв этих отношений оказался удачным, так как позднее рядом с ним окажется женщина гораздо более высокого социального положения и умственных способностей, которая даст ему стабильную домашнюю жизнь и поддержку в религии, к которым он так стремился.

* * *

Теперь стоит упомянуть некоторые события в жизни Уильяма Эйвери Рокфеллера в начале 1850-х годов, так как его поведение постепенно менялось от эксцентричного до почти патологического. Будучи человеком множества обличий, он всегда любил брать другие имена; впервые появившись в Ричфорде, он сообщил, что его зовут Рокафеллоу. Пока семья жила в Овего, Билл время от времени появлялся в близлежащих городах и представлялся специалистом по зрению и слуху доктором Уильямом Левингстоном. Теперь мы знаем, что к моменту, когда он перевез семью в Огайо, он уже вел самую настоящую двойную жизнь и как доктор Уильям Э. Рокфеллер, и как доктор Уильям Левингстон – фамилия взята по названию города, где родился его отец, Ливингстон, штат Нью-Йорк. Вероятно, поначалу он взял второе имя просто чтобы оградить семью от своей сомнительной репутации, но к началу 1850-х годов оно уже превратилось в отдельную личность для выездов. Напарник Билла, сопровождавший его много лет спустя, объяснял псевдоним тем, что Билл не имел медицинской лицензии и диплома, а потому постоянно опасался заслуженного наказания со стороны недовольных местных врачей, которые в некоторых случаях даже начинали против него судебные разбирательства²⁰.

В начале 1850-х годов, в последнем рывке своей карьеры по заготовке леса, Билл решился отправиться на север в Канаду, скупал превосходный орех и ясень и продавал с приличной прибылью на лесопилки. Приехав в город Ниагара, Онтарио (его семья наверняка об этом не знала), он начал прочесывать окрестности под видом странствующего доктора. «Доктор Левингстон» был откровенным шарлатаном, но отчасти верил в собственные разглагольствования и у него было достаточно случаев излечений, чтобы обмануть пациентов, а возможно, и себя самого. По словам его будущего поделщика: «Он не изучал медицину ни в каком колледже. Но он был целителем от природы и имел большой навык. Он пользовался большой славой в Канаде и северном Нью-Йорке»²¹.

Дьявол Билл безошибочно определял симпатичных, кротких, долго страдавших женщин, которые будут терпеливо сносить его эскапады. Около 1852 года, в Норвиче, Онтарио, когда его ни о чем не подозревающая семья еще жила в Овего, он встретил Маргарет Аллен, очаровательную тихую молоденькую девушку. Биллу было тогда сорок два года, а Маргарет около семнадцати, всего на четыре года больше, чем Джону Д. По небольшой оплошности доктор Левингстон забыл упомянуть свою вторую жизнь как Дока Рокфеллера, не говоря уже о жене и пятерых детях, и ухаживал за Маргарет как привлекательный холостяк. Билл умел располагать к себе и совершенно одурачил доверчивую семью Маргарет. «Он был надежным сдержанным человеком с хорошими манерами, добрый, общительный и всем нравился, – сказала сестра Маргарет о веселом женихе. – Он прославился как меткий стрелок, любил охотиться. Он любил интересные рассказы»²². Семья Алленов, очевидно, любила Дока Левингстона больше, чем семья Дэвисонов Дока Рокфеллера. И у Билла появилось искушение начать все сначала с обожающей его невинной молодой женщиной и при поддержке расположенной к нему семьи. 12 июня 1855 года он женился на Маргарет Аллен в Николсе, штат Нью-Йорк, чуть южнее Овего и до конца дней вел подпольную жизнь двоеженца.

С большой долей уверенности можно утверждать, что Билл каждый раз перевозил семью в другой город в связи со своим тайным донжуанством и скорее всего выбрал Кливленд, потому что Онтарио расположен прямо на противоположном берегу озера Эри. Не изменив привычек, Билл поначалу не жил с Маргарет постоянно. Приучая ее к своим причудам, поначалу он заезжал к ней в Онтарио раз в год и жил у ее легковой семьи. На первых порах он не планировал покидать настоящую семью и некоторое время в 1850-х годах балансировать между старой и новой женами, не подозревавших о существовании друг друга.

Судя по всему, второй брак Билла непосредственно сказался на жизни его старшего сына. Все это время Джон планировал поступить в колледж, и Элиза поддерживала его решимость в надежде, что он станет баптистским священником. Затем он получил письмо от отца, разбившее его мечты. Как он вспоминал: «Мой отец... передал известие, что я не пойду [в колледж]. Я сразу почувствовал, что должен начать работать, найти где-то место»²³. Рокфеллер никогда не объяснял, почему бросил школу в мае 1855 года, всего за два месяца до ее окончания и церемонии выпуска 16 июля, но недостающим кусочком головоломки становится повторная женитьба Билла 12 июня. Вероятно, Билл, собираясь вступить во второй брак, ощутило урезал расходы первой семьи, пусть даже и не раскрывая причин. Как сказал Джон: «Младшим братьям и сестрам требовалось образование, и казалось разумным, чтобы я занялся делом»²⁴. Билл мечтал сделать из старшего сына замену себе, чтобы тот позаботился об Элизе во время его долгих отсуствий.

В те времена люди не связывали высшее образование с более высокими доходами, Билл тоже не особо верил в книжные знания, высмеивая их как разорительное потакание слабостям. Честолюбивые молодые люди чаще посещали так называемые коммерческие колледжи, обучающие бухгалтерскому делу, или дополняли образование на заочных курсах. Последовав совету отца, Джон заплатил сорок долларов за трехмесячный курс в Коммерческом колледже Э.-Г. Фолсома, сетевом заведении с отделениями в семи городах. Кливлендское отделение располагалось на верхнем этаже Рауз-Билдинг, главном конторском здании города на Паблик-сквер. Там обучали ведению бухгалтерии по методу двойной записи, чистописанию и основы банковского дела, финансов и коммерческого права – такие содержательные курсы нравились Джону. Когда летом 1855 года он завершил обучение, ему исполнилось шестнадцать лет и он был готов забыть о травмах своей семьи и направить все силы на поиск перспективного места службы.

* * *

Вероятно, ни одна история поиска работы за все существование Америки не обросла таким количеством мифов, как путь, начатый шестнадцатилетним Джоном Д. Рокфеллером в знойном Кливленде в августе 1855 года. Он рос за городом, но его семья не занималась фермерством постоянно, и, должно быть, это облегчило ему переход от провинциального прошлого к новой рыночной экономике. Приступив к делу, молодой человек изучил городской телефонный справочник и выбрал учреждения с высокой кредитоспособностью – несмотря на суровые времена, он не стал ограничиваться скромными стремлениями. Он уже испытывал инстинктивное уважение к большому бизнесу и точно знал, что хочет. «Я отправился в железнодорожные компании, в банки, оптовые фирмы, – позже говорил он. – Я не ходил по маленьким конторам. Я не гадал, что это будет, но нацелился на нечто значительное»²⁵. Большинство контор, куда он заходил, располагались в шумном районе, известном как Флэтс, у реки Кайахоги, выходящей мимо звонких шумных лесопилок, литейных заводов, складов и верфей, а затем выливающейся в озеро Эри, где толпились колесные пароходы и шхуны. В подходе Джона слегка проглядывала напыщенность неопытности. В каждой фирме он спрашивал самого главного – тот обычно был занят, – затем сразу переходил к делу с помощником: «Я понимаю в бухгалтерии и хотел бы получить работу»²⁶.

Несмотря на бесконечные отказы, Джон упорно искал место. Он выходил из пансиона каждое утро в восемь часов утра, одетый в темный костюм с высоким воротником и черным галстуком, и приступал к обходу намеченных им фирм. С твердой решимостью он продолжал поиск каждый день, шесть дней в неделю, шесть недель подряд, до самого вечера. На жарких жестко вымощенных улицах, он стирал ноги. Отчасти его упорство подпитывало желание перестать зависеть от своего ненадежного отца. В какой-то момент Билл сказал, что, если Джон не

найдет работу, ему придется вернуться за город; как позже говорил Рокфеллер, от этой мысли по спине бежал холодок²⁷. К поиску работы Джон подходил, отбросив все сомнения и жалость к себе, и мог взглянуть в глаза препятствиям. «Я трудился каждый день на своем предприятии – предприятии по поиску работы. Я посвящал этому все свое время каждый день»²⁸. Он определенно был сторонником позитивного взгляда на жизнь.

Кливленд, быстро растущий город с населением почти тридцать тысяч человек, взбудоражил бы любого молодого человека, жаждущего опыта в коммерции. Сюда стекались многие переселенцы из Новой Англии и привозили с собой из родных городов пуританские нравы и торговую культуру янки. Улицы в основном немощенные, канализации нет, но Кливленд быстро расширялся, приезжали иммигранты из Германии и Англии, а также с восточного побережья. Через этот коммерческий перекресток в землях Западного резерва шло изобилие Среднего Запада: уголь из Пенсильвании и Западной Виргинии, железная руда из окрестностей озера Верхнего, соль из Мичигана, зерно и кукуруза из равнинных штатов. Как порт на озере Эри и канале Огайо, Кливленд стал естественной развязкой транспортных сетей. Когда в 1851 году сюда пришла Железная дорога – Кливленд, Колумбус и Цинциннати, – появились превосходные возможности сочетать транспорт на воде и на рельсах, и никто иной не воспользуется ими с таким блеском, как Джон Д. Рокфеллер.

Несмотря на всю процветающую коммерцию в прибрежной части города, перспектив получить работу в настоящее время было немного. «Ученика не было нужно, и лишь очень немногие снисходили до вступления со мной в разговор», – вспоминал Рокфеллер²⁹. Дойдя до конца своего списка, Джон просто начал сначала и посетил некоторые конторы два-три раза. Другой давно бы пал духом, но Рокфеллер относился к тому сорту упрямцев, которых отказ только больше наполняет решимостью.

И вот, утром 26 сентября 1855 года он вошел в конторы оптовых комиссионеров и экспедиторов «Хьюитт энд Таттл», на Мервин-стрит. С ним провел беседу Генри Б. Таттл, младший компаньон, которому требовалась помощь с конторскими книгами, и попросил вернуться после обеда. Рокфеллер ликовал, но сдержанно вышел из конторы, спустился вниз по лестнице, завернул за угол и тогда побежал по улице вприпрыжку, чуть не вопя от радости. Для него этот момент все еще был полон высокой драмы, даже уже в пожилом возрасте: «Казалось, от того дня зависело все мое будущее; и я содрогаюсь, когда задаюсь вопросом: «Что если бы я не получил работу?»³⁰ В «горячке нетерпения» Рокфеллер дождался завершения обеденного перерыва, затем вернулся в контору, где с ним теперь встретился старший компаньон, Айзек Л. Хьюитт. Владелец доброй части недвижимости в Кливленде и основатель «Кливленд айрон майнинг компани», Хьюитт должно быть казался великим капиталистом. Тщательно проверив чистописание молодого человека, он объявил: «Мы дадим тебе шанс»³¹. Фирма, очевидно, срочно нуждалась в помощнике бухгалтера, так как Рокфеллеру сказали повесить пиджак и немедленно приступить к работе, даже не упоминая заработную плату. В те дни не было ничего необычного в том, чтобы подросток отработал некоторый срок без оплаты в качестве обучения, и прошло три месяца, прежде чем Джон получил задним числом свое первое довольно скромное жалование. Всю оставшуюся жизнь он будет отмечать 26 сентября как «День работы» и справлять его гораздо более искренне и весело, чем день рождения. Велико искушение сказать, что настоящая его жизнь началась в этот день, что он заново родился для бизнеса, как будет рожден для Церкви баптистской миссии на Эри-стрит. Вся динамичность, спящая в нем во времена сельского детства, теперь найдет выход в яркой ошеломляющей жизни в деловом мире. Наконец, он был свободен от Большого Билла, бесконечного бегства из города в город, всего сумасшедшего мира детства, перевернувшегося с ног на голову.

* * *

Балансируя на высоком стуле, склоняясь над затхлыми бухгалтерскими книгами в «Хьюитт энд Таттл», новый клерк мог бросить взгляд в окно на оживленные причалы и баржи, проплывающие по реке Кайахоге в квартале от него. Хотя день в конторе начинался на рассвете, в тусклом свете ламп из китового жира, этот мир расчетов Джон никогда не считал сухим или скучным, он «был упоительным для меня – весь метод и система конторы»³². Работа завораживала его, освобождала, обогащала личность. «Круг моей работы был много интереснее, чем обязанности бухгалтера в любом крупном теперешнем деле», – сказал он позднее³³. В зрелом возрасте Рокфеллер любил называть себя «лишь человеком цифр» и не находил в бухгалтерских книгах ничего сухого или наводящего тоску³⁴. Джон имел некоторое преимущество, так как помогал Элизе записывать расходы. «Начав работу бухгалтером, я научился большому уважению к числам и фактам, какими бы незначительными они ни были. ... У меня прямо до страсти доходило увлечение деталями, увлечение, которое я после принужден был обуздывать»³⁵.

Исследователи истории предпринимательства и социологи подчеркивают первостепенное значение бухгалтерского дела для капиталистического предприятия. В «Протестантской этике и духе капитализма» Макс Вебер определил «рациональную бухгалтерскую отчетность» как неотъемлемую часть духа и организации капитализма³⁶. Для Йозефа Шумпетера капитализм «превращает деньги в инструмент рациональной калькуляции прибыли и издержек, над которой монументом высится бухгалтерский учет по методу двойной записи»³⁷. Кажется естественным, что у Джона Д. Рокфеллера, архетипа капиталиста, проявилось особое влечение к бухгалтерии и почти мистическая вера в цифры. Для Рокфеллера бухгалтерские книги были священными, они помогали принять решение и уберегали от эмоций, ведущих к ошибкам. Они оценивали производительность, выявляли факты мошенничества и показывали скрытые просчеты. В этом неточном мире они привязывали вещи к прочной эмпирической реальности. Он упрекал небрежность конкурентов: «Даже самые способные держали книги в таком виде, что не знали на самом деле, на какой операции они делают деньги, а на какой теряют».

Когда Хьюитт и Таттл поручили Рокфеллеру оплачивать счета, он подошел к задаче с неподдельным усердием, не по годам развитой виртуозностью и «занялся [ими] с большей ответственностью, чем если бы расходовал собственные средства»³⁸. Он тщательно проверял счета, подтверждал точность каждого пункта и аккуратно подводил итог. Он дотошно выискивал ошибки даже в несколько центов и возмутился, когда хозяин соседней фирмы передал своему клерку длинный непроверенный счет за слесарные работы и беспечно сказал: «Пожалуйста, уплатите по этому счету»³⁹. Рокфеллера, только что уличившего ту же самую фирму на завышении стоимости услуг в несколько центов, потрясла такая легкомысленная беспечность. Можно предположить, что Хьюитт и Таттл сами кое-чему научились в экономии у этого молодого строгого приверженца деталей. «Помню, был один капитан, который вечно выставлял требования о компенсации за повреждение груза, и я решил разобраться. Я изучил все счета, накладные и прочие документы и выяснил, что этот капитан выдвигал совершенно необоснованные претензии. Больше он так не поступал»⁴⁰. По всей вероятности, аккуратность в характере юноши проявилась как необходимость обуздать эмоции, чрезмерная реакция на неупорядоченного отца и суматошное детство.

Помимо написания писем и оплаты счетов молодой Рокфеллер также служил «коллекторским агентством» и собирал арендную плату за недвижимость Хьюитта. Терпеливый и вежливый, он демонстрировал бульдожью хватку, которой от него никто не ждал. Сидя снаружи в коляске, бледный и терпеливый, похожий на сотрудника похоронного бюро, он ждал, пока

должник не сдавался. Он напоминал об уплате долга, как будто от этого зависела его жизнь, и опыт, судя по всему, вызывал значительную долю беспокойства. «Сколько раз мне снилось, и снилось до недавних лет, что я пытаюсь собрать эти долги!» – поражался он пятьдесят лет спустя. «Я просыпался, вскрикивая: «Я не могу взять по счету такого-то и такого-то!»⁴¹. Отчасти его тревога была связана с тем, что он только ушел от удручающей семейной жизни, и неудача на работе означала бы возвращение к зависимости от отца. Также можно предположить, что, хотя Джон был настойчив, он был и крайне медлителен; как и в школе, некоторые считали его недалеким олухом, который ничего не добьется, и ему приходилось доказывать обратное.

Сколь бы скромной ни была деятельность фирмы, «Хьюитт энд Таттл» стала превосходной школой для начинающего молодого бизнесмена и открыла перед Рокфеллером необъятную вселенную коммерции. Большинство предприятий перед Гражданской войной все еще специализировались только на одной услуге или товаре. Хьюитт и Таттл, напротив, брали на комиссию широкий ассортимент товаров. Начинали они с продуктов питания, но за три года до прихода Рокфеллера положили начало импорту железной руды с озера Верхнего. Фирма полагалась на железные дороги и телеграф, технологии, которые тогда произвели революцию в американской экономике. Как отметил Рокфеллер: «Это раскрыло мне глаза на транспортные перевозки», – что немало, учитывая последующие спорные отношения «Стандард Ойл» с железными дорогами⁴². Даже простая поставка в Кливленд вермонтского мрамора требовала сложных вычислений затрат на перевозку по железной дороге, каналу и озеру. «Утерю, убытки от порчи товара во время транспортирования надо каким бы то ни было способом разнести по этим трем различным статьям транспортирования. Необходимо было все остроумие юного ума, чтобы решить эту проблему к общему удовольствию всех заинтересованных, среди которых не последнее место занимал мой хозяин»⁴³. Рокфеллер никогда не упускал никакой деловой опыт.

В последний день 1855 года Хьюитт выдал Рокфеллеру пятьдесят долларов за три месяца работы или немногим более пятидесяти центов в день. Он объявил, что с этого дня помощник бухгалтера будет получать двадцать пять долларов в месяц или триста долларов в год. Станным образом Рокфеллер испытал чувство вины: «Я чувствовал себя преступником»⁴⁴. Опять же возникает подозрение, что все-таки внутренне он ликовал, но боялся, из религиозных моральных соображений, собственной жадности. Рокфеллер понимал, что копить деньги это одно, а откровенно желать их – совсем другое.

* * *

Во многих отношениях Джон Д. Рокфеллер являлся примером предприимчивого молодого бизнесмена своей эпохи. Бережливый, пунктуальный, деятельный, горячий приверженец доктрины успеха. Он мог бы стать героем любой из ста девятнадцати воодушевляющих брошюр, вскоре написанных Горацио Эджером-младшим – его книги носили звучные названия: «Стремись и добивайся», «Везение и смелость», «Храбрый и дерзкий» и «Обречен возвыситься». Последнее название, кстати, перекликалось с восторженным гордым заявлением Рокфеллера более старшему предпринимателю: «Я обречен быть богатым – обречен быть богатым – ОБРЕЧЕН БЫТЬ БОГАТЫМ!» Как рассказывали, он усилил этот рефрен несколькими быстрыми выразительными ударами по колену собеседника⁴⁵. Не так много вопросов, по которым Джон Д. так открыто выражал свои чувства.

Рокфеллер постоянно отрицал истории о своей одержимости деньгами в детстве, но о времени, когда он работал в «Хьюитт энд Таттл» он рассказал следующую историю:

Я был молодым человеком, когда впервые увидел банковский билет. В то время я служил клерком здесь во «Флэтс». Как-то раз мой хозяин получил из банка на юге штата банковский

билет на четыре тысячи долларов. Днем он показал его и положил в сейф. Едва он ушел, я отпер сейф и достал билет, смотрел на него, широко раскрыв глаза и рот, а потом положил обратно и тщательно запер. Мне казалось это ужасно крупной суммой, неслыханными деньгами, и еще много раз за день я открывал сейф и подолгу жадно разглядывал билет⁴⁶.

В этой истории чувствуется почти эротический заряд, который банкнота пробудила в юноше, ввела его в гипнотический транс. Похоже на то, как Большой Билл сворачивал и прятал купюры, а потом радовался, поглядывая на свое сокровище. Такая страсть к деньгам тем более поражает во флегматичном молодом человеке, утверждавшем, что ему не приходилось бороться с разрушительными порывами. «Я никогда не испытывал влечения к табаку или чаю и кофе, – решительно заявил он однажды. – Я никогда не испытывал влечения ни к чему»⁴⁷.

Даже если жадность оказалась более сильным мотивом, чем он хотел признать, Рокфеллер получал физическое удовольствие от самой работы и никогда не считал ее унылой каторгой. Более того, мир коммерции завораживал его как неисчерпаемый источник чудес. «Несомненно, эти люди деятельного ума работают не только из-за одних денег, часто их захватывает и сама работа, – написал он в мемуарах, опубликованных в 1908–1909 годах. – Вкус к этой работе, несомненно, поддерживает нечто более высшее, чем страсть к простому накоплению средств»⁴⁸.

Американская культура поощряла – нет, даже восхваляла – стремление приобретать, и всегда существовала возможность, что дело дойдет до крайности и людей поработит жадность. Поэтому детей учили следить за своим поведением и контролировать его. В посмертно опубликованной «Автобиографии» Бенджамин Франклин описывает, как он завел маленькую нравоучительную книжечку, позволявшую сразу увидеть свои добродетели и пороки за каждый день. В середине XIX века многие держали подобные журналы учета, помогающие поддерживать бережливость и сделать наглядными свои моральные достижения. Молодые люди вели дневники, нашпигованные напутствиями, наставлениями, вдохновляющими мыслями и предостережениями. Эндрю Карнеги писал себе назидательные напоминания, а Уильям К. Уитни вел небольшую книжечку с нотациями. Действовал противоречивый порыв: в новой конкурентной экономике люди побуждали себя стремиться к лучшему, но при этом старались обуздать свои ненасытные аппетиты.

Джон Д. Рокфеллер довел такой внутренний мониторинг до более высокой стадии. Как добрый пуританин, он тщательно изучал свои поступки в течение дня и сдерживал желания, надеясь изгнать из жизни спонтанность и непредсказуемость. Когда честолюбие уже было готово поглотить его, совесть взывала к сдержанности. Так как в «Хьюитт энд Таттл» его рабочий день был удлинненным, коммерция грозила превратиться в неподъемное навязчивое влечение. Каждый день он приходил на работу в шесть тридцать утра, обед брал с собой в контору, уходил на ужин, а потом возвращался и работал допоздна. Однажды он решил приглушить свою одержимость. «В тот день я заключил с собой соглашение, что тридцать дней не буду появляться [в конторе] после десяти вечера», – написал он себе⁴⁹. Показательно, что молодой человек дал себе такой зарок и не менее показательно, что выполнить это он находил крайне сложным.

Бухгалтерия управляла не только деловой, но и личной жизнью Рокфеллера. Так как цифры своей простотой несли ему такую ясность и успокоение, он применил деловой подход «Хьюитт энд Таттл» к личному хозяйству. Начав работать в сентябре 1855 года, он купил за десять центов маленькую красную книжечку, назвал ее «Книга счетов А» и самым подробнейшим образом записывал в нее приходы и расходы. Подобные записные книжки держали многие его современники, но мало кто с таким придирчивым вниманием ее вел. Всю оставшуюся жизнь Рокфеллер обращался с «Книгой счетов А», как с самой священной реликвией. Более пятидесяти лет спустя он достал ее в Библейском классе и чуть не прослезился, переворачи-

вая ее страницы дрожащими руками, столь сильны были вызванные ею эмоции. В Библейском классе в Баптистской церкви на Пятой авеню в 1897 году растроганный Рокфеллер поднял книжечку над головой и провозгласил: «Я не видел эту книжечку двадцать пять лет. Вы не смогли бы забрать ее у меня в обмен на все бухгалтерские книги Нью-Йорка и то, что они могли бы посулить»⁵⁰. Книжечка хранилась в банковской ячейке, как бесценная фамильная реликвия.

Как подтверждает «Книга счетов А», Рокфеллер теперь сам себя содержал, тратя половину дохода на жилье у миссис Вудин и на прачку и был совершенно независим от отца. Он гордился воспоминаниями о своей небогатой юности. «Я не мог позволить себе модный покрой одежды. Помню, я покупал тогда у дешевого портного. Он продавал одежду дешево, так что я мог за нее заплатить, что было много лучше, чем покупать одежду, которая мне не по карману»⁵¹. Одно отступление от жесткой экономии долго приводило его в недоумение: вместо обычных шерстяных варежек он как-то в молодости купил пару меховых перчаток за два с половиной доллара и в девяносто лет все еще цокал языком от такой шокирующей расточительности. «Нет, по сей день не могу сказать, что заставило меня выкинуть два с половиной на простые перчатки»⁵². Другая статья расходов, впоследствии принеся проценты повзрослевшему Рокфеллеру, содержала осветительное средство под названием камфин по восемьдесят восемь центов за галлон (ок. 3,5 л). Благодаря эффекту масштаба «Стандард Ойл» продавал превосходящий его по качеству продукт, керосин, по пять центов за галлон – о чем Рокфеллер имел обыкновение напоминать, когда люди впоследствии обвиняли его, что он душит население.

Рокфеллер не преувеличивал ценность «Книги счетов А» в одном важном отношении – она стала авторитетным свидетелем в вопросе, являлся ли он ненасытным человеком, который позже, с помощью благотворительности пытался очистить «запятнанное» богатство. Здесь «Книга счетов А» говорит твердо и однозначно: Рокфеллер был фантастически щедрым с детства. В свой первый год работы молодой клерк отдал около шести процентов заработка на благотворительность, в некоторые недели гораздо больше. «У меня есть моя самая первая книжечка, и в ней записано, когда я зарабатывал всего доллар в день, я отдавал пять, десять или двадцать пять центов на все эти дела», – заметил он⁵³. Джон Д. жертвовал миссии «Файв-Пойнтс» в знаменитых трущобах южного Манхэттена, «бедняку в церкви» и «бедной женщине в церкви»⁵⁴. К 1859 году, когда ему исполнилось двадцать лет, его щедрые пожертвования превысили отметку в десять процентов. Несмотря на явное тяготение к делам баптистов, он рано начал жертвовать на общие вопросы, дал денег негру в Цинциннати в 1859 году, чтобы тот выкупил жену из рабства. В следующем году он жертвовал негритянской церкви, методистской церкви и католическому приюту.

Благотворительные дары клерка были не менее заметны, чем его деловые таланты. О глубоко парадоксальной природе Рокфеллера говорит то, что хотя его и сразил банковский билет в четыре тысячи долларов, не меньшее впечатление произвела книга 1855 года «Избранные места из дневника и переписки покойного Амоса Лоренса». Лоренс, богатый производитель текстиля из Новой Англии, раздал на благотворительность более ста тысяч долларов, обдумав и спланировав свой шаг. «Я помню, как меня заворожили его письма, – рассказывал Рокфеллер, который, возможно, у Лоренса в свое время перенял обычай раздавать людям только что отчеканенные монеты. – Хрустящие банкноты! Я видел и слышал их. Я решил, что, если удастся сделать это, когда-нибудь тоже буду раздавать хрустящие банкноты»⁵⁵. Подобные мысли у молодого человека редки и достойны восхищения, но следует отметить, что и в этом случае магическое воздействие на него оказывали деньги. Он видел, что деньги могут принести величие в моральной и в светской сфере, что волновало его больше, чем модные владения или одежды.

Помощник бухгалтера, будто наверняка зная, что когда-то станет богатым и должен подготовиться к назначенному часу, цепко наблюдал за коммерсантами в порту и отмечал, как они избегают хвастовства. Например, он необычайно восторгался перевозчиком Л.-Р. Моррисом и был поражен тем, «как он ходит, как выглядит, как будто его большое богатство его совершенно не трогает. Я видел других состоятельных людей и с удовольствием смотрел, как они занимаются делом, никак не показывая власть денег. Позже я видел и тех, кто носил дорогие украшения и роскошные одежды. Казалось прискорбным, что их привело к такому излишеству». Если Рокфеллер придерживался квакерской сдержанности в одежде и позже противился вульгарному хвастовству Вандербильтов и других магнатов Позолоченного века с их вычурными особняками и яхтами, отчасти это связано с его баптистскими воззрениями, а отчасти с простым строгим стилем богатых кливлендских бизнесменов, которых он так внимательно изучал на этапе своего становления.

* * *

Как неисчислимо множество молодых людей до него, Рокфеллер обратился к церкви за всеобъемлющими ответами на неразрешимые семейные проблемы. Он обладал призванием и в религии, и в бизнесе, христианство и капитализм сформировали два равных столпа его жизни. После публикации в 1859 году труда Чарльза Дарвина «О происхождении видов», вера многих людей начала ослабевать, но воззрения Рокфеллера остались простыми и постоянными. Когда в последующие десятилетия традиционные религиозные взгляды начали оспаривать, он остался верен духовным реалиям своего детства. Из-за часто неупорядоченного поведения отца молодой клерк был готов к жаркому осуждению греха и разговору о личном спасении и моральной реформации, вокруг которых тогда строились беседы баптистов. С самого начала его баптистская вера служила мощным инструментом контроля запретных чувств и сдерживала необузданную природу отца внутри него. После постоянных переездов в детстве, он стремился обосноваться в церкви, которая заменила бы ему семью, но без постыдных проявлений настоящей семьи.

Пока Джон и Уильям жили у миссис Вудин и ее дочери Марты, они вчетвером начали посещать бедную, переживающую не лучшие времена Церковь баптистской миссии на Эри-стрит неподалеку. Организованная за три года до процветающей Первой баптистской церкви, церковь миссии стояла на пустом месте без деревьев и представляла собой скромное белое здание с колокольной и высокими узкими окнами. В 1850-х годах по Кливленду прокатилось несколько религиозных возрождений, и Церковь баптистской миссии на Эри-стрит была создана после религиозного бдения, длившегося сто пятьдесят ночей подряд.

Церковь дала Рокфеллеру общество друзей, о которых он мечтал, и уважение и расположение, в которых он нуждался. Рокфеллер посещал Библейский класс диакона Александра Скеда, а привел его в церковь сам Скед, цветочник по роду занятий, поэтичный шотландец, любивший декламировать псалмы и пророчества и, казалось, знавший всю Библию наизусть. Скед родился в Шотландии в 1780 году, приехал в Америку в 1831-м и четыре года спустя перебрался в Кливленд. Во время службы он поднимал руки в молитве Богу, его лицо светилось воодушевлением. Этот набожный пожилой человек служил наставником Рокфеллеру, и тот пришел к нему, когда нашел работу в «Хьюитт энд Таттл», чтобы сообщить хорошие новости. Встреча дала неожиданную отповедь, которую Рокфеллер так и не смог забыть. «Прежде чем я ушел, он заметил, что я ему очень нравился, но что он всегда гораздо больше любил моего брата Уильяма. Я так и не мог понять, почему он это сказал. Я не обиделся, но меня это удивило»⁵⁶.

Осенью 1854 года Джон принял решение о вероисповедании, диакон Скед погрузил его в купель, и тот стал полноправным прихожанином. Никогда не будучи снобом, Рокфеллер гор-

дился тем, что «выращен в церкви миссии»⁵⁷. Вне зависимости от своих мирских амбиций, он не искал простых путей к успеху и не пытался присоединиться к процветающим приходам или высокой церкви. Его, человека замкнутого и стороннего, привлекло теплое братство верующих, ему нравилась атмосфера равноправия в церкви на Эри-стрит, позволявшая присоединиться, как он выразился, к «людям в самых скромных обстоятельствах»⁵⁸. Центральный принцип баптизма, автономность отдельных пастей и церквей миссии, в которых не доминировали именитые семьи, был самым демократичным из всех. Церковь на Эри-стрит посещали продавцы, помощники в лавках, кондукторы железной дороги, рабочие с фабрик, клерки, ремесленники и другие люди крайне скромного достатка. Даже в более поздний период, когда она преобразовалась в Баптистскую церковь на Юклид-авеню, в пастве осталось больше плебеев, чем патрициев. Много лет спустя Рокфеллер заявил с сердечной теплотой: «Как благодарен я, что это общение дано мне было в раннем детстве, что я был доволен и счастлив... работой в церкви, работой в воскресной школе, работой с хорошими людьми – это было мое окружение, и я благодарю Бога за него!»⁵⁹.

Рокфеллер не просто посещал службы, а выполнял в церкви бесчисленные поручения. Еще не достигнув двадцати лет, он стал учителем воскресной школы, членом совета и бесплатным клерком, державшим в руках протоколы заседаний. Лишенный ложной гордости, он с удовольствием выполнял даже подсобные работы, и одна прихожанка оставила живую зарисовку его вездесущего присутствия:

В те годы... Рокфеллера можно было застать здесь каждое воскресенье – он мел залы, разжигал камин, зажигал лампы, чистил проходы, провожал людей на места, изучал Библию, молился, пел, выполнял все обязанности бескорыстного и исполнительного прихожанина... Он служил простым клерком, и денег у него было мало, но он что-то жертвовал на все дела в маленькой старой церкви. В этом он всегда был очень точен. Если он говорил, что даст пятнадцать центов, ни одна душа не могла сподвигнуть его дать на цент больше или цент меньше... Он регулярно и прилежно читал Библию и знал, что в ней написано⁶⁰.

Заметно, что Джон считал церковь своей, с любовью заботился о ней. Иногда он работал добровольным уборщиком, подметал аскетичную церковь, мыл окна, пополнял свечи в подсвечниках или наполнял угловую печку дровами. По воскресеньям он звонил в колокол, собирая людей на молитву, и разжигал огонь, а затем, когда люди гуськом уходили со службы, для экономии задувал все свечи кроме одной. «Сберегай, когда можешь, а не когда приходится», – наставлял он других и уговаривал носить на работу хорошую воскресную одежду в знак их христианской гордости⁶¹. В пятницу вечером он ходил на молитвенные собрания, а кроме того два раза по воскресеньям на службу и всегда был выдающейся личностью – сидел на скамье с прямой спиной, стоял на коленях или вел паству в молитве. Он ценил особую интенсивность чувств, которую баптисты приносили в веру, это высвобождало эмоции, чего не хватало в другие моменты его жизни. Густым баритоном, ставшим чище благодаря урокам пения в церкви, он с глубокой радостью тянул гимны. Его любимый «Нашел я друга одного» описывал Иисуса как близкого знакомого: «Нашел я друга одного; дороже всех на свете! / Пошел Он на мученье, чтоб дать нам вечной жизни дар»⁶².

В мире, полном ловушек, расставленных для ни о чем не подозревающего пилигрима, Рокфеллер очень старался оградить себя от всех соблазнов. Позже он сформулировал это так: «Мальчику всегда следует быть осторожным и избегать соблазнов, которые окружают его, тщательно выбирать товарищей и равным образом уделять внимание духовным и ...умственным и материальным интересам»⁶³. Так как евангельские христиане воздерживались от танцев, карт и театра, Рокфеллер ограничил свою личную жизнь церковными встречами и пикниками, где он мог играть в жмурки и предаваться другим невинным занятиям. Как примерный баптист он пользовался большим спросом у молодых леди. «Девушки необычайно любили Джона, –

вспоминал один прихожанин. – Некоторые опасно приблизились к тому, чтобы влюбиться в него. С лица он не был особо привлекательным, да и одежду носил простую и изрядно поношенную. Возвышенно настроенные молодые женщины были о нем высокого мнения из-за его любезности, религиозного рвения, его серьезности и готовности участвовать в церкви и его очевидной искренности и честности намерений»⁶⁴.

За лимонадом и кексами на церковных встречах Рокфеллер сформировал близкую привязанность к симпатичной молодой женщине по имени Эмма Сондерс. Девушка сердилась, что Джон не хочет расширить свою светскую жизнь и настаивает на том, чтобы видеться только в церкви. Для Рокфеллера церковь была не просто набором теологических позиций: это было братство добродетельных единомышленников, и он никогда не решался отходить слишком далеко от ее оберегающих объятий.

В целом сдержанный, Рокфеллер развил компанейские привычки в церкви, которые остались с ним на всю жизнь, и его беспокоило, если люди уходили сразу после завершения воскресной службы. «Церковь должна походить на дом, – настаивал он. – Дружья должны радоваться друг другу и приветствовать незнакомцев»⁶⁵. Даже в более поздние годы, когда толпы людей собирались у дверей церкви посмотреть на самого богатого человека мира, он продолжал пожимать людям руки и грелся в семейном тепле. Рукопожатие приобрело для него значение символа, так как это «дружеская рука, протянутая человеку, который не знает, что его ждут, [что и] приводит многих в церковь. Я сохранил это прежнее отношение к рукопожатию. Всю жизнь я люблю его, оно говорит: «Я твой друг»⁶⁶.

Так же, как он болезненно воспринимал отношение свысока в деловом мире, Рокфеллер не выносил его и в религиозной сфере. Церкви миссии не находились на самофинансировании, поэтому Рокфеллеру и другим попечителям приходилось подчиняться покровительственным уведомлениям главной церкви. «Вот это-то обстоятельство и укрепляло нас в решении доказать всем, что мы и сами сумеем руководить своим духовным кораблем»⁶⁷. При том что Рокфеллер имел сильную религиозную веру, он был значительно вовлечен в мирские дела церкви, которые, по его мнению, следует вести, как в опрятной фирме. Вскоре у него появилась возможность отстаивать кредитоспособность церкви, когда диакон опоздал выплатить проценты на две тысячи долларов по закладной. Однажды в воскресенье пастор объявил с кафедры, что кредитор угрожает продать имущество церкви, и, чтобы выжить, очень быстро нужно собрать две тысячи долларов. Когда пораженная паства покидала церковь, Рокфеллер стоял у дверей, задерживал каждого для разговора и упрашивал внести конкретные суммы. «Я просил, убеждал и, порою, даже грозил. Когда кто-то соглашался, я заносил его имя и сумму взноса в записную книжку и обращался к другому»⁶⁸. Возможно, ничто на раннем этапе его жизни не стало таким предвестником его непреклонности в преследовании целей. «План захватил меня, – признал он. – Я лично пожертвовал на эту цель все, без чего только мог обойтись, а рвение мое как можно больше зарабатывать – сильно поднимали это и другие, подобные этому, начинания»⁶⁹. Всего за несколько месяцев он собрал нужную сумму и спас церковь. К двадцати годам он выдвинулся как наиболее важный, после священника, член паствы.

Учитывая в основном спартанское сельское образование Джона Д. Рокфеллера и слабое знакомство с культурой большого города, ум его был в основном заполнен поучениями и высказываниями из его баптистской фундаменталистской церкви. Всю жизнь он извлекал из христианства практические жизненные уроки и подчеркивал пользу религии как наставника в повседневных делах. Со временем американцы будут удивляться, как ему удалось совместить свои хищные наклонности с религией, но все же церковь его юности, в основном – по крайней мере, как видел это Рокфеллер – поощряла его предрасположенность к коммерции. Религия, с которой он столкнулся, была далека от того, чтобы чинить ему препятствия, а наоборот, казалось, одобряла его действия, и Рокфеллер во многом стал воплощением непростого симбиоза

между церковью и бизнесом и определил зарождающиеся идеалы американской экономики после Гражданской войны.

Рокфеллер никогда не сомневался, что его карьера имеет поддержку свыше и утверждал: «Господь дал мне деньги»⁷⁰. За десятилетия преподавания в воскресной школе, он нашел множество примеров в Писании, подкреплявших это заявление. (Конечно, его критики приводили множество цитат, свидетельствующих об обратном и предупреждающих о тлетворном влиянии богатства.) Когда Бенджамин Франклин был мальчиком, его отец внушал ему одну из Притч Соломоновых: «Видел ли ты человека, проворного в своем деле. Он будет стоять перед царями, он не будет стоять перед простыми». Рокфеллер часто объяснял этот текст своему классу. Мартин Лютер увещевал свою паству: «Пусть даже [работа ваша] кажется мелкой и заторной, смотрите на нее как на великую драгоценность, не по причине вашей ценности, но потому что она имеет место в этом драгоценном и священном сокровище, Слове и Повелении Божиим»⁷¹. Многие влиятельные теологи XIX века приняли точку зрения кальвинистов в том, что богатство – это знак милости Божией, а бедность – красноречивое свидетельство небесного неблаговоления. Генри Уорд Бичер назвал нищету оплошностью бедных и провозгласил в проповеди, что «в целом верно утверждение, что там, где сильнее всего религия, сильнее всего и мирское процветание»⁷².

Когда Рокфеллера спрашивали, почему бог отметил его такой ошеломляющей щедростью, он всегда объяснял, что придерживался доктрины управляющего – представления о богатом человеке как простом инструменте Бога, временном управляющем Его деньгами, который отдает их на добрые дела. «Казалось, я был избран и получил прибавку, потому что Господь знал, что я развернусь и все отдам»⁷³. Рокфеллер сказал это, когда ему уже было далеко за семьдесят, и возникает вопрос, не сформировалось ли равенство между получением и отдачей денег в его уме позже. Но даже подростком распределение денег на благотворительные цели ему доставляло осязаемое удовольствие, и он настаивал, что с ранних лет ощущал тесную духовную связь между зарабатыванием денег и пожертвованиями. «Я ясно помню, когда в моей жизни определился план по финансам – если я могу его так назвать. Это было в Огайо в служение дорогого старого священника, который проповедовал: «Получите деньги, получите их честно и отдайте с умом». Я записал это в своей книжечке»⁷⁴. Мысль эта перекликалась с высказыванием Джона Уэсли: «Если те, кто «зарабатывают все, что могут» и «откладывают все, что могут», будут также «отдавать все, что могут», еще больше они получают в милосердии»⁷⁵. Рокфеллер оперировал такой духовной бухгалтерией по методу двойной записи, и его благотворительность послужила, своевременно, неоспоримым доказательством чистоты его богатства. Вполне возможно, что его самоотверженность в благотворительности стала для него своего рода внутренней лицензией, необходимой, чтобы искать богатство с неслыханным – и временами беспринципным – напором.

Как отметил Макс Вебер, аскетичное христианство стало непревзойденной благодатной почвой для мечтающих стать предпринимателями. Практика десятины, например, прививала бережливость, самоотречение и аккуратное планирование расходов – бесценные активы любого начинающего капиталиста. Джон Д. Рокфеллер воплощал собой протестантское отношение к труду в чистейшей форме, и классическое эссе Вебера читается, как духовная биография его жизни. Возможно, стоит отметить некоторые замечания Вебера, которые особенно применимы к Рокфеллеру. Вебер утверждал, что пуритане произвели религию, оправдывающую мирские действия, считая, что «все существование человека направлено на приобретение, которое становится целью» его жизни⁷⁶. Они подошли к бизнесу рационально и методично, изгнав магию с рыночной площади и сведя все к методу. Так как процветание являлось признаком будущего спасения, избранные работали с особым тщанием, чтобы уверить себя в благоволении Бога. Даже те, кто собрал большое богатство, продолжали работать, так как

они трудились, как утверждалось, во славу Божию, а не ради их собственного возвеличивания. Церковь не хотела поощрять жадность и потому обошла эту проблему и узаконила стремление к деньгам, если оно становится призванием – то есть устойчивую самоотдачу продуктивной задаче. Человек, обнаруживший свое призвание, должен был отдать себя ему со всепоглощающей самоотверженностью, а деньги, полученные таким образом, считались знаком божественного благословения.

Побочным эффектом внимания к призванию стало то, что протестанты низводили занятия вне религиозной и экономической сферы в разряд менее значимых. Верующий не должен был искать удовольствий за пределами безопасных границ семьи, церкви и бизнеса, а наиболее тяжкими грехами считались напрасная трата времени, пустая болтовня и наслаждение роскошными увеселениями. Добрый пуританин, нацеленный на зарабатывание денег, должен был сдерживать свои порывы, а не потакать им. Как отметил Вебер: «Безудержная алчность в делах наживы ни в коей мере не тождественна капитализму и еще менее того его духу. Капитализм *может быть* идентичным обузданию этого иррационального стремления, во всяком случае, его рациональному регулированию»⁷⁷. То есть человеку богатому следует знать цену деньгам. Люди должны регулировать свои жизни, утверждал Вебер, чтобы самопожертвование порождало изобилие. В сердце пуританской культуры таится роковое противоречие, так как добродетели набожных людей сделали их богатыми, а богатства, в свою очередь, угрожали подорвать их набожность. Как высказался Коттон Мэзер о Плимутской колонии в 1690-х годов: «Религия породила процветание, и дочери поглотили мать»⁷⁸. Противоречие представляло собой центральную дилемму для Джона Д. Рокфеллера и его потомков, которые без усталости боролись с пагубным воздействием богатства.

Стоит отметить, что из четырех основных групп аскетичных протестантов, проанализированных Вебером, только баптисты отвергали предназначение, а следовательно, не могли истолковать богатство как верный знак милости Бога. С другой стороны, показал Вебер, некоторые постулаты баптистов готовили их последователей к процветанию в коммерции. Баптизм питал отвращение к идолопоклонству и отрицал таинства как средства спасения и тем самым воспитывал рациональное видение мира, прекрасно подходящее для продвижения в капиталистическом обществе. Рокфеллер был убежден, что талант зарабатывать деньги дан ему Богом, он обязан развивать этот талант, и Бог щедро вознаграждает его – все совместимо с баптистской доктриной. По этой причине Рокфеллер находил в религии гораздо в большей степени поощрение, а не препятствие для своих амбиций. Тогда как другие рассматривали его как аномалию в конфессии, радушно принимавшей рабочих людей и затаившей легкое недоверие к богатым, он никогда не видел подобных противоречий.

Прежде чем оставить тему знакомства Рокфеллера с принципами баптистов, стоит отметить, что его религиозные убеждения, вероятно, углубил экономический климат его юности. В 1857 году, когда он еще работал в «Хьюитт энд Таттл», в Америке начался экономический спад. Непосредственной причиной стало завершение в 1856 году Крымской войны, что нанесло удар по американским фермерам, зарабатывавшим на ней. Если смотреть глубже, кризис увенчал декаду бешеных спекуляций на ценных бумагах железнодорожных компаний и на земле, подогреваемых крупными займами. Когда прогорели пять тысяч предприятий, и сотни тысяч рабочих оказались на улице, бьющая через край активность 1850-х годов неожиданно и заметно потухла.

Как и позже, в Великую депрессию 1930-х годов, люди были шокированы тем, что бурлящая экономика могла так ужасающе застопориться. По словам одного современника: «Казалось поистине странным, что в самый разгар видимого здоровья и силы... вся страна... вдруг неожиданно пришла к полной остановке и не может двигаться дальше – и нам вдруг пришлось очнуться от нашей мечты о богатстве и счастье и прозреть, что мы нищие и банкроты»⁷⁹.

Последовала волна истеричного показного раскаяния, президент Джеймс Бьюкенен настаивал, что кризис произошел «исключительно из-за нашей расточительной и вредной системы обращения банкнот и банковских кредитов, толкающей людей на дикие спекуляции и покупку сомнительных акций»⁸⁰.

Многие евангельские христиане объясняли спад не столько экономическим циклом, сколько божественным наказанием за то, что общество распустилось, соблазнилось земными благами и развратом. Один сторонник реформ из Бостона выразил надежду на положительные стороны внезапного спада, так как он «преподаст важные и очень необходимые уроки... и сведет все к более трезвым, здоровым и здоровым условиям»⁸¹. Национальное самобичевание привело к религиозному подъему известному, как Бдения коммерсантов. В 1857 году предприниматели многих городов пришли на дневные молитвенные собрания и публично поклялись отказаться от спиртных напитков и прочих потаканий своим желаниям. В ходе массовых показаний евангелистские церкви привлекли десятки тысяч новых членов. Смена эйфории депрессией в деловой сфере – отразившаяся переходом от греха к спасению в религиозной сфере, – вероятно поддержала врожденный консерватизм Рокфеллера как будущего предпринимателя, одновременно закрепив его и без того глубокую расположенность к баптизму. Как он сказал: «Какая школа для мальчика – школа невзгод и давления!»⁸².

* * *

Каковы бы ни были общие невзгоды, вызванные паникой 1857 года, медицинское дорожное шоу Уильяма Эйвери Рокфеллера в тот год процветало, и ему некоторое время удавалось поддерживать и совмещать два брака. Весной 1856 года Билл вновь всплыл в Кливленде и поселился вместе с Джоном и Уильямом у миссис Вудин, подыскивая постоянный дом для своей семьи. Он уже время от времени жил у семьи Маргарет Аллен в Онтарио, называя себя доктором Уильямом Левингстоном, и теперь ему нужно было сделать последние распоряжения перед тем, как окончательно оставить первую жену и детей. Найдя вместительный кирпичный дом в аренду по адресу Седар-стрит, 35, оборудованный такой по тем временам роскошью, как туалет внутри дома и ванной комнатой, он перевез Элизу и детей из Пармы. Джон и Уильям съехали от миссис Вудин и вернулись к семье. Тогда Билл решил, что Джон должен вкладываться в ведение хозяйства семьи и платить ему ту же аренду, какую он отдавал миссис Вудин.

В 1857 году Билл решил построить для своего семейства солидный кирпичный дом на Чешир-стрит в центре Кливленда, прощальный подарок, который позволил бы ему сделать ноги с чистой совестью. «В 1857 году отец сказал мне строить дом, – вспоминал Джон Д., придавая истории позитивный блеск. – Он учил меня быть самостоятельным. Он дал мне денег, сказал, какой нужен дом и передал все дела мне. Я начертил план, достал материалы, нашел строителя и построил дом»⁸³. Рассматривал ли Билл это как своего рода последнюю проверку, экспресс-курс по предпринимательству для Джона, прежде чем он оставит семью на волю случая? Он предупредил сына: «Меня не будет, и я должен полагаться на твое суждение»⁸⁴. Или, возможно, Билл просто хотел, чтобы его избавили от неудобства делать это самому.

Рокфеллер не без оснований гордился своим успехом в надзоре за строительством, прекрасное достижение для мальчика восемнадцати лет, к тому же уже работавшего с жестким графиком в «Хьюитт энд Таттл». Он потребовал сметы у восьми подрядчиков, как будто он всю жизнь имел дело со строительством, и выбрал предложившего самую низкую цену. Он проверил чертежи, договорился о контрактах и оплачивал счета с безоговорочной уверенностью в своем суждении. И он так внимательно смотрел за подрядчиками, с таким рвением перебивал их цены, что они даже потеряли деньги на этом проекте. Если Билл и испытывал способности своего сына, то Джон прошел проверку с полным триумфом.

По одному из рассказов возникли разногласия, следует ли Джону платить аренду в новом доме. Он, вероятно, полагал, что раз построил сооружение, то заслужил право занимать его без арендной платы, но Дьявол Билл сам устанавливал правила и отклонил протесты Элизы. «Ты купил свое время, не так ли? – сказал он Джону. – То что ты теперь получаешь, твое, так? Так что ты мне должен за жилье»⁸⁵. Опять же неприкрытая наглость Билла поражает не меньше, чем стойкость его сына перед лицом постоянных провокаций.

Теперь, когда Рокфеллеры воссоединились в Кливленде, Джон стал новым главой семьи, так как Билл вновь ушел со сцены и где-то в конце 1850-х годов создал дом в Филадельфии с Маргарет Аллен. Еще несколько лет Билл причудливым образом был втянут в дела Джона и еще пять десятков лет продолжал материализовываться, как бесцеремонный улыбающийся джинн, через случайные промежутки времени. Но с этого момента и далее разрыв между двумя жизнями Билла и двумя женами начал превращаться в непреодолимую пропасть. По тонкой (а для Билла, несомненно, нестерпимой) иронии, этот лукавый, корыстный, помешанный на деньгах шарлатан повернулся спиной к своей семье как раз тогда, когда его старший сын начал собирать крупнейшее состояние в истории. Джон Д. Рокфеллер жил во вселенной стоических людей, где признаком силы и умственного здоровья считалось отогнать заботы и идти вперед, а не болезненно обдумывать неудачи родителей. Но если Джон и питал мстительные чувства к Биллу, он, должно быть, втайне испытывал удовлетворение, что отец ушел на самой заре его триумфа и лишился права претендовать на его богатство.

Элиза, вероятно, так и не узнала, что после того как она вырастила Биллу пятерых детей, он променял ее на гораздо более молодую женщину. Но теперь она была лучше готова к его потере, чем несколькими годами ранее. Джон Дэвисон умер 1 июня 1858 года, оставив ей ренту, которой хватит до 1865 года, затем она унаследует основной капитал. Двое сыновей зарабатывали – Уильям пошел под начало Джона бухгалтером в «Хьюитт энд Таттл» – и время от времени денег давал Билл, теперь Элиза могла выкарабкаться сама. Она особенно полагалась на старшего сына, вундеркинда, который казался способным на все, что угодно, и который был столь же стабильным и надежным, как ее муж никчемн и непредсказуем. Элизе теперь было за сорок, и фотографии показывают строгую, грустную, художавую женщину. Для набожной женщины XIX века развод не мог рассматриваться как вариант, и ее головокружительный роман с красивым молодым бродячим торговцем преждевременно оставил ее вдовой. Билл был ее единственным шансом, ее безумно потраченной попыткой избежать сельской тоски, и неудачный брак на всю жизнь научил ее и ее старшего сына опасаться беспечных людей и поспешных действий.

* * *

В трилогии романов о Фрэнке Каупервуде, художественной обработке жизни чикагского транспортного магната Чарльза Йеркса, Теодор Драйзер описал, как невероятно прозорливо юный Каупервуд видел своих хозяев на первом месте работы в фирме, занимающейся продажей зерна. «Он видел их слабости и их недостатки, как взрослый мужчина видит недостатки мальчика»⁸⁶. Это замечание как нельзя лучше передает невозмутимо критический взгляд, которым Рокфеллер мерил вышестоящих в «Хьюитт энд Таттл». Он с уважением относился к хозяевам, но никогда не испытывал трепета перед ними и всегда осознавал их недостатки. Внешне он показывал глубокое уважение к Айзеку Хьюитту, мужчине старше его на двадцать пять лет, но в беседах с друзьями был гораздо более язвительн и называл его «озлобленным» человеком, вечно ввязывающимся в тяжбы.

Несмотря на молодость, Рокфеллер вскоре начал чувствовать, что ему платят недостаточно. Когда в январе 1857 году Таттл отошел от дел, Рокфеллера повысили до главного бухгал-

тера, и в возрасте семнадцати лет он уже выполнял все задачи, ранее закрепленные за ушедшим компаньоном. Там, где Таттл как компаньон зарабатывал две тысячи долларов в год, Рокфеллер получал только пятьсот, и это досадное неравенство сократилось лишь чуть-чуть, когда к 1858 году Хьюитт повысил ему выплаты до шестисот долларов в год. С той же сверхъестественной уверенностью, проявившейся в его кампании по выплате церковной закладной и в надзоре за строительством дома на Чешир-стрит, юноша начал от своего имени заключать небольшие, но прибыльные сделки с мукой, окороками и свининой. Вскоре юного бизнесмена заметили в кливлендских доках, где к нему всегда обращались «господин Рокфеллер».

На его уход из фирмы Хьюитта повлияло сочетание нескольких факторов. Хотя низкая зарплата не устраивала его, он подождал, пока экономика восстановится после спада 1857 года, прежде чем сделать ход. Заведую бухгалтерией, он видел, что фирма почти обанкротилась и ее ждет мрачное будущее, – подозрение подтверждалось тем фактом, что Хьюитт прозорливо держал свои обширные недвижимые активы отдельно от доли в комиссионном доме. Большой Билл, всегда любивший играть во внештатного банкира, дал в долг Хьюитту тысячу долларов, и, когда Джон проинформировал его о ненадежном состоянии предприятия, ввалился в контору и потребовал (и получил) от Хьюитта выплату немедленно.

Не тем человеком был Джон Д. Рокфеллер, чтобы впустую тратить время на неприбыльные опасения. В его карьере было очень немного упущенных возможностей, и, если приходило время действовать, он никогда не колебался. Он попросил у Хьюитта зарплату в восемьсот долларов, его босс, стесненный в средствах, провел в смятении несколько недель, прежде чем решил, что не может дать больше семисот. Позже Рокфеллер утверждал, что остался бы, если бы Хьюитт выполнил его требование, но добавлял: «Даже тогда я собирался, готовился к чему-то большему»⁸⁷. Пока они с Хьюиттом пререкались, в начале 1858 года вопрос решился сам собой благодаря новой привлекательной возможности. Рокфеллер подружился с молодым англичанином, двадцативосьмилетним Морисом Б. Кларком, который работал дальше по улице в сельскохозяйственной торговой фирме «Отис, Браунелл». Они были одноклассниками в Коммерческом колледже Э.-Г. Фолсома и соседями по Чешир-стрит. Согласно Кларку, Рокфеллер уже имел «репутацию молодого бухгалтера, более обычного способного и надежного», и Кларк предложил ему создать новую компанию по покупке и продаже сельскохозяйственной продукции, чтобы каждый компаньон внес две тысячи долларов – в 1896 году эта сумма соответствовала тридцати шести тысячам долларов⁸⁸. Рокфеллеру, что довольно удивительно, удалось скопить восемьсот долларов, сумму, равную годовому заработку, менее чем за три года на службе, но это все еще было значительно меньше цифры Кларка.

Пока он размышлял, как достать денег, отец сообщил ему, что собирался подарить каждому сыну по тысяче долларов по достижении двадцати одного года, и теперь предложил ссудить деньги Джону. «Но Джон, – добавил он, на случай если сын понадеялся на чудо, – мне надо десять процентов»⁸⁹. Билл только что получил тысячу долларов от Хьюитта и, возможно, искал, как получить высокий оборот с этих неработающих денег. Джон слишком хорошо знал отца, чтобы выпрашивать их в подарок и согласился на ссуду под десять процентов, что было выше существующих ставок. Итак, 1 апреля 1858 года, поддержанный заемными деньгами, Джон Д. Рокфеллер ушел от Айзека Хьюитта и поступил в новую компанию «Кларк и Рокфеллер» на Ривер-стрит, 32. В возрасте восемнадцати лет он взлетел до ранга компаньона комиссионного дома. «Для меня было очень важно стать собственным хозяином и работодателем, – говорил Рокфеллер. – Мысленно я буквально утопал в блаженстве от сознания, что я компаньон в товариществе с основным капиталом в четыре тысячи долларов!»⁹⁰ Этот момент много значил для него, и после первого рабочего дня он вернулся домой на Чешир-стрит, упал на колени и молил Господа благословить его новое предприятие.

Рокфеллер никогда не жалел о своем ученичестве в «Хьюитт энд Таттл» и, как многие люди, самостоятельно добившиеся успеха, глядя назад, отзывался о своих первых годах с нежностью. Если уж на то пошло, весь свой опыт он пропитывал сиропом сентиментальности, который со временем становился только гуще и слаще. Даже в 1934 году, девяноста пяти лет, Рокфеллер пытался вдохновить одного из внуков рассказами о своей героической инициации в «Хьюитт энд Таттл», волнующем крещении в деле. «О, как благословенны юноши, которым приходится бороться за основы и начало в жизни. Я никогда не устану благодарить за эти три с половиной года ученичества и трудности, какие приходилось преодолевать от начала и до конца».

Глава 4

Крещение в коммерции

Вывеску «Кларк энд Рокфеллер» водрузили над складом по адресу Ривер-стрит, 32, и местное деловое сообщество тепло приветствовало вновьприбывших. «Кливленд Лидер» написал: «Это опытные, ответственные и исполнительные деловые люди, и мы рекомендуем их торговый дом любезному вниманию наших читателей»¹. Казалось, в первой компании успех пришел к Рокфеллеру быстро и легко. На Великих озерах увеличивались объемы перевозок мяса, зерна и других товаров, и они с Кларком проворно скупали и продавали партии сельскохозяйственной продукции. Как утверждала амбициозная реклама фирмы, они были готовы заниматься «зерном, рыбой, водой, известью, гипсом, крупной, мелкой, поваренной и кормовой солью»². Неоперившуюся фирму подстерегало немало опасностей, но можно и придать, задним числом, ностальгическое очарование этому начальному периоду. Через два месяца после открытия суровые заморозки уничтожили урожай на Среднем Западе. Компаньоны заключили контракт на крупную поставку бобов и получили партию, порченную более чем наполовину и перемешанную с грязью и мусором. «Когда мы не нужны были в конторе, мы с компаньоном шли на склад и сортировали эти бобы»³. Сбой не повлиял на общие показатели фирмы, так как к концу года она заработала вполне солидные четыре тысячи четыреста долларов, что было в три раза больше дохода Джона в его последний год в «Хьюитт энд Таттл».

Но из-за фиаско с бобами Джону пришлось еще раз обращаться, хотя и крайне неохотно, за спасительным займом к Большому Биллу. Щедрое финансирование необходимо, чтобы преуспеть в торговле, и объявления Кларка и Рокфеллера возвещали потенциальным клиентам, что они были «готовы давать щедрые ссуды и консигнации на сельскохозяйственную продукцию и т. д.»⁴. Билл любил играть с сыном в садистские игры с деньгами, а затем оправдывал свое жульничество некими извращенными воспитательными целями. Он хвалился перед соседом в Стронгсвилле: «Я обмениваюсь с мальчиками и обдираю их, просто разбиваю наголову каждый раз, как могу. Хочу, чтобы они быстро соображали»⁵. Джон уже смирился со странным коммерческим характером сделок с отцом, и в своих воспоминаниях даже идеализировал займовые маневры Билла как дающие ему ценный урок. «За указание мне верного пути в жизни я обязан вечной благодарностью моему отцу. Человек, принимавший участие в целом ряде промышленных предприятий, он любил говорить со мною о них, указывал на их значение и знакомил меня с методами и принципами ведения дела»⁶.

Джону было известно, что в банкирском стиле отца безжалостная веселость сочеталась с суровостью Скруджа. «Наши денежные отношения всегда были для меня источником страхов, хотя я теперь и смеюсь, вспоминая об этом», – однажды Рокфеллер позволил себе проявить толику гнева⁷. Когда Билл предлагал заем под десять процентов, он точно руководствовался не альтруизмом, он имел привычку, приводящую в ярость должников, отзывать займы в самое неподходящее время. «Но за деньгами он являлся обыкновенно в моменты наиболее острой нужды в деньгах. «Сын мой, деньги мне нужны самому», – вспоминал Джон Д. в своих мемуарах. – «Сейчас, сейчас», – говорил я. Я прекрасно знал, что он меня просто испытывает и в случае возвращения денег оставит их лежать у себя, ничего с них не получит и опять ссудит их мне»⁸. По поводу этой длительной психодрамы Рокфеллер позже сказал в другой краткий момент откровенности: «Он не знал, как я внутренне был разгневан»⁹.

Глубокое критическое описание своеобразных отношений Рокфеллера с отцом дал Джордж У. Гарднер, присоединившийся к Кларку и Рокфеллеру на правах компаньона 1

апреля 1859 года. Он работал с Кларком в «Отис, Браунелл» и судя по всему его пригласили в фирму, чтобы укрепить ее капитал. Отпрыск элитной кливлендской семьи, слепленный совсем из другого теста, чем знакомые Рокфеллеру мужчины, добившиеся всего сами, Гарднер позже стал мэром Кливленда и президентом Кливлендского яхт-клуба. С появлением Гарднера имя Рокфеллера убрали с вывески, и новая фирма стала именоваться «Кларк, Гарднер энд Компани», по очевидной и достаточно убедительной причине, что имя Гарднера привлечет больше клиентов. Рокфеллеру всегда было неудобно изливать гнев или эгоистично протестовать, и он сделал вид, что спокойно отнесся к понижению. «Морис Кларк очень порадовался этому, – заверял он позже. – И сказал: «Неважно. Это ненадолго – и пары лет не пройдет, твои дела будут идти лучше, чем у всех нас». Да, он был очень любезен. Я не выдвинул возражений»¹⁰. Все же позже Рокфеллер признал, что удар оказался болезненным: «Я счел это большой несправедливостью по отношению ко мне, поскольку я был равноправным компаньоном, а Гарднер лишь принес часть капитала. Но решил, что лучше уступить»¹¹. То, что Рокфеллер считал не достойным и не подобающим христианину сознаваться в таких понятных чувствах уязвленной гордости, многое говорит о нем.

Рокфеллер был обречен на столкновения с Гарднером и Кларком, так как подходил к работе с неослабевающей нешуточной энергией и оказался «круглоголовым» среди «кавалеров», «сторонником парламента» среди «роялистов». «Твое будущее зависит от каждого уходящего дня», – напутствовал себя он¹². «Задолго до того, как мне исполнился двадцать один год, мужчины обращались ко мне «господин Рокфеллер», – вспоминал он. – В молодости жизнь для меня была серьезным предприятием»¹³. В нем просыпалось юношеское веселье только при заключении прибыльной сделки. Будучи постоянным блюстителем морали, он с негодованием относился к беспечности и непочтительности Кларка и Гарднера, а их присутствие в конторе молодого зануды и радовало, и раздражало.

Опасаясь, что любое легкомыслие понизит их шансы на получение кредитов, двадцатилетний юноша пытался сгладить крайности старших компаньонов. Рокфеллер резко осудил расточительность Гарднера, когда тот с тремя друзьями купил яхту за две тысячи долларов. Однажды в субботу Гарднер намеревался сбежать из конторы после обеда и поплавать на яхте и увидел Рокфеллера, угрюмо сторбившегося над бухгалтерскими книгами. «Джон, – предложил он учтиво, – у нас небольшая компания собирается сплавать на Пут-ин-Бей, и я бы хотел, чтобы ты присоединился. Думаю, тебе будет полезно выбраться из конторы и ненадолго выкинуть дела из головы». Гарднер задел оголенный нерв и, как он рассказывал репортеру много лет спустя, молодой компаньон набросился на него в ярости. «Джордж Гарднер, – брызгал он слюной, – ты самый расточительный молодой человек, какого я знаю! Только подумать, молодой человек, едва начинающий жизненный путь, интересуется яхтой! Ты вредишь своему кредиту в банках – и своему кредиту, и моему... Нет, я не пойду на твоей яхте. Я даже видеть ее не хочу!» С этим Рокфеллер вернулся к своей бухгалтерии. «Джон, – сказал Гарднер, – я вижу, по некоторым вещам мы, похоже, никогда не придем к согласию. Полагаю, больше всего на свете ты любишь деньги, а я нет. Пока я живу, не все же работать, надо немного и отдохнуть»¹⁴.

Позже Рокфеллер научился прятать беспокойство о деле за напускным спокойствием, но в те годы оно часто ярко проявлялось. Кларк вспоминал одно рискованное предприятие, когда фирма вложила весь свой капитал в поставку крупной партии зерна в Буффало. С нелепой не характерной для него безрассудностью Рокфеллер предлагал не страховать груз и положить в карман сто пятьдесят долларов; Гарднер и Кларк нехотя согласились. В ту ночь ужасный шторм прошел по озеру Эри, и, когда Гарднер появился на следующее утро в конторе, страшно бледный Рокфеллер в волнении мерил шагами пол. «Давай оформим страхование, прямо сейчас, – сказал он. – Еще есть время – если корабль не пошел ко дну». Гарднер выбежал за страховкой. К его возвращению Рокфеллер уже размахивал телеграммой, сообщавшей о благополучном

прибытии корабля в Буффало. То ли обессиленный переживаниями, то ли расстроенный из-за ненужной траты денег, Рокфеллер в тот день ушел домой днем больным¹⁵.

Можно предположить, что кутила Гарднер ассоциировался у Рокфеллера с отцом, и сравнение во многом было не в пользу Гарднера. Действительно, Гарднер чувствовал близость с Биллом, получал удовольствие от его дружелюбия и необычайного чувства юмора и называл его «одним из самых компанейских и симпатичных стариков. Он сыпал остротами и говорил больше за одну беседу, чем Джон произнес бы за неделю»¹⁶. Гарднер первым из многих знакомых Рокфеллера заметил, что тот не отвечает на вопросы о Билле, который нерегулярно наезжал в Кливленд, вкладывая или забирая у «Кларк, Гарднер» огромные деньги. «Я удивлялся, что за предприятие может быть у человека, что в один месяц он обходится без тысячи долларов, а в другой так нуждается в них», – вспоминал Гарднер¹⁷.

Благодаря Гарднеру мы можем определить самую раннюю дату, когда с долей уверенности можно утверждать, что Джон знал если не о двоеженстве, то о скандальных отношениях отца. Фирма начинала наращивать деловые связи с Филадельфией, и Гарднер сообразил, что в следующую поездку туда он мог бы обратиться за информацией к Биллу. «Поэтому я спросил у Джона адрес его отца. Тот колебался и наконец сказал, что не помнит». Гарднер, знавший о феноменальной памяти Рокфеллера, пришел в замешательство и спросил, не мог бы тот в обед взять адрес у Элизы. После обеда Джон так и не вернулся к вопросу, и вечером перед уходом Гарднер вновь спросил про адрес. «Он покраснел и сказал, что забыл спросить, пока был дома. Я больше не настаивал и так и не узнал, где живет его отец»¹⁸. Когда Джон начал постигать всю глубину двуличности отца по отношению к матери, он, вероятно, был потрясен и отреагировал тем же подавлением эмоций и уклончивостью, которые служили ему в детстве. Для Рокфеллера тема отца уже стала высочайшим табу, положив начало постоянной секретности, которая пропитает и «Стандард Ойл».

Фотографии Рокфеллера периода «Кларк, Гарднер» показывают высокого решительного молодого человека с наблюдательным острым взглядом. Плотные сжатые губы говорят о неудержимой целеустремленности и сдержанном характере. Высокий и широкоплечий, он начинал сутулиться, что придавало ему настороженный вид. Несмотря на редкие педантичные перепалки с Гарднером, он обладал той впечатляющей уверенностью, которая позволяет говорить негромко и весомо. Рокфеллер, аккуратно одетый и подтянутый, каждый день приходил в контору первым и уходил последним. По естественному разделению обязанностей Кларк заведовал покупкой и продажей, а Рокфеллер занимался бухгалтерией. С педантичными привычками и врожденной интеллигентностью Рокфеллера, казалось, суждено добиться успеха. С ненасытностью ретивого аудитора он любил выискивать нарушения и раскрывать ошибки. Морис Кларк считал Джона человеком подходящим, но «слишком точным. Он был методичен до крайности, аккуратен в деталях и въедлив до мелочей. Если нам причитался один цент, он хотел его получить. Если один цент причитался клиенту, он хотел, чтобы его получил клиент»¹⁹. Портрет, если и жутковатый, подчеркивает особо щепетильную честность Рокфеллера на этом этапе его карьеры.

С самого начала Рокфеллеру приходилось бороться с демонами гордыни и жадности. Когда служащий банка пренебрежительно отказал ему в займе, в гневе он резко заявил: «Когда-нибудь я стану самым богатым человеком в мире»²⁰. Всю неделю он предостерегал себя притчами, которым научила его Элиза, подобно такой, как «Погибели предшествует гордость», и духовная внутренняя критика по мере роста его состояния усиливалась²¹. Ночью, склоняя голову на подушку, он предупреждал себя: «Раз ты хорошо начал, ты думаешь, что стал уже изрядным предпринимателем; будь осторожен или потеряешь голову – не торопись. Ты позволишь себе возгордиться из-за денег? Гляди в оба. Не теряй спокойствия»²². Если бы Рокфеллер

не опасался, что способен на неумеренность, он бы не занимался таким изматывающим самоанализом. По его словам: «Эти безмолвные разговоры с самим собой имели большое влияние на мою дальнейшую жизнь. Я боялся, что удача меня опьянит, наступит день – и удача кончится, стоит только забрать себе в голову веру в свою удачу»²³. Несложно прийти к выводу, что характерный для Рокфеллера нравоучительный стиль был позаимствован у церкви и отшлифован ночными проповедями, которые он служил сам себе.

Рокфеллер вел безупречную жизнь христианина, и это немало способствовало его деловым достижениям, так как он нравился горожанам постарше. В свой первый год работы с Кларком он нанял человека следить за бухгалтерией, а сам отправился искать клиентов и много ездил в Огайо и Индиану. Вопреки тому, что можно было бы ожидать, как продавец Рокфеллер умел складно убеждать. Вместо того чтобы дерзко отбивать клиентов у конкурентов, он просто перечислял услуги своей фирмы. «Я заходил в контору, давал мою карточку и говорил собеседнику, что, по моим представлениям, его деловые связи вполне удовлетворительны, и я не намерен докучать, но у меня есть хорошее предложение, и я уверен, что для него оно выгодно. Я не жду от него решения прямо сейчас, но прошу подумать, и я зайду еще раз»²⁴. Заказы на торговлю сыпались чуть ли не быстрее, чем он мог их обработать. «Я увидел, что сразу внушаю доверие людям постарше, и меня несколько недель не было в городе, потом я вернулся домой, и поступили товары, и наше дело выросло, и это открыло для меня целый новый мир»²⁵.

Рокфеллер умел обращаться с людьми, он вовсе не был холодным брюзгой, как позже описывали мифы о нем. Тем не менее он *был* настойчивым, что людям нравилось или не нравилось в зависимости от их предпочтений. Торговые предприятия испытывали те же трудности, от которых впоследствии страдали нефтяные – им постоянно недоставало вагонов для перевозки муки, зерна и свинины, и Рокфеллер так изводил железнодорожного служащего, что старик, в конце концов, погрозил ему пальцем и рявкнул: «Молодой человек, поймите, вы не можете кидать меня туда и обратно, словно мячик»²⁶. Рокфеллер часто рассказывал, как лучший клиент фирмы однажды убеждал его нарушить привычную деловую практику и заплатить авансом до прихода продукции или накладных. Рокфеллер отказал, хотя постарался сохранить клиента. «Но он пришел прямо в бешенство, и я принужден был испытать новое унижение, необходимость сознаться компаньону в том, что дар моего убеждения не доставил мне ни малейшего успеха»²⁷. Лишь позже Рокфеллер узнал, что непреклонность клиента была хитрой ловушкой, подстроенной местным банкиром, чтобы посмотреть, устоят ли молодые люди перед соблазном и продолжат ли придерживаться своих традиционных принципов.

При всем его популистском недоверии банкирам, значительную роль в ослепительном подъеме Рокфеллера сыграла их поддержка. «Величайшей трудностью на всем моем пути коммерсанта было получить достаточно капитала, чтобы сделать все дела, какие я хотел и мог сделать, если бы имел необходимые средства»²⁸. Банковская система тогда была слабой и разобщенной. Многие банки на Мейн-стрит имели небольшой капитал и внушали так мало доверия, что фирма Рокфеллера держала запас наличных в сейфе. Свой первый заем вне семьи Рокфеллер получил у добродушного благожелательного старого банкира Трумана П. Хенди, который согласился засчитать приходы денежных средств склада в качестве обеспечения. Получив ссуду в две тысячи долларов, Джон чуть ли не парил в воздухе! «Представьте себе, – размышлял он, – банк мне доверил две тысячи долларов! Я почувствовал, что я гражданин, что я коммерсант»²⁹.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.